

Анна Рубцова

**АРТИСТИЧЕСКАЯ
ФОТОГРАФИЯ**

Санкт-Петербург. 1912

Анна Фуксон

**Артистическая фотография.
Санкт Петербург. 1912**

«Книга-Сэфер»

2017

Фуксон А.

Артистическая фотография. Санкт Петербург. 1912 /
А. Фуксон — «Книга-Сэфер», 2017

ISBN 978-965-7288-28-3

Главными героями книги являются несколько поколений одной петербургской, интеллигентной еврейской семьи. Повествование начинается с описания одного из тяжелейших дней блокады, когда героине Фирочке исполняется 30 лет. Однако в поле зрения читателя попадают и светлые моменты жизни этой некогда большой и дружной семьи – о них вспоминает угасающая от голода и болезней мать, о них напоминает и представленная на первой странице обложки подлинная фотография семьи. Тогда, в 1912 году, все они, включая годовалую Фирочку, были счастливы и благополучны. Умирает мать и, после похорон, две сестры, Фирочка и Катюша, вместе с маленьким Илюшей, уезжают в эвакуацию в Омск, к старшей сестре, Риточке, и ее детям. Фирочкин муж Саня остается в блокадном Ленинграде, чтобы продолжить работу на военном заводе и выполнять заказы фронта. Так начинается эта семейная сага, которая охватывает примерно сто лет жизни этих людей. Здесь описываются и судьбы их детей: Илюши и Наташи, которым уже при Хрущеве и Брежневеве пришлось набивать себе шишки. А также и после них, до начала 90-х годов, до самого отъезда в Израиль.

ISBN 978-965-7288-28-3

© Фуксон А., 2017
© Книга-Сэфер, 2017

Содержание

Первая глава. Фирочка	6
Вторая глава. Саня	27
Третья глава. Наташа	42
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Анна Фуксон Артистическая фотография. Санкт-Петербург. 1912

© Издательство Книга Сефер

© Анна Фуксон, 2017

* * *

Я посвящаю эту книгу моим дорогим и любимым родителям и близким. Я надеюсь, что, преодолев пространство и время, вы молитесь за нас в иерусалимских высотах.

Семья Смолянских со стороны мамы героини. Фото 1912 г., СПб. Слева направо: сидит сын Лева, стоит дочь Рита, сидит мать семейства Ольга Вульфовна, в центре на тумбочке сидит мама героини, годовалая Фирочка (в жизни Тиночка), стоит ее брат Арончик, сидит отец Илья (в жизни Гилляр) Наумович и стоит сын Соломон.

Первая глава. Фирочка

Мама Наташи с трудом шла по Большому проспекту Петроградской стороны. В руках она сжимала буханку хлеба. 500 г хлеба – дневная норма на четверых, 125 граммов на человека. Четыре равные порции – для ее первенца Илюши, которому исполнился год и восемь месяцев, для ее мамы – бабушки Ольги, для младшей сестры Катюши и для нее самой. Это было все, что ей удалось достать после многочасового стояния в очереди за хлебом. А продуктов по карточкам в магазинах неподалеку от дома она достать не сумела. Идти же в отдаленные магазины она уже не могла из-за трескучего мороза – 30 градусов ниже нуля. По прогнозам метеорологов ожидался еще более сильный мороз, какого город не знал с начала XX века.

В домашнем календаре она отмечала эти страшные дни, которые наступили 8 сентября и прервали их нормальную жизнь. А в тот день, 10 декабря 1941 года, в 94-ый день блокады Ленинграда, ей исполнилось 30 лет.

Ходьба давалась ей с трудом, болели ноги, и не хватало воздуха. Постоянный голод и заботы подорвали ее здоровье, иссушили ее цветущее тело и превратили ее в истощенную женщину, лишенную возраста. «Какой длинный путь, – подумала она, – а раньше он казался мне таким коротким, и мы с Илюшей в коляске так быстро возвращались домой». Вдруг ее грудь пронзила боль, незнакомая ей прежде. Она остановилась на углу Большого проспекта и Гатчинской улицы. На этой улице и жили Наташины родные во время блокады. На тротуаре, совсем рядом с ней, лежал труп женщины. неподалеку лежали трупы других людей, упавших на асфальт от голода. Работники санитарной службы еще не успели унести их с улицы.

Боль в груди не отпускала. «Я обязана дойти до дома, ведь они ждут меня уже много часов и с ума сходят от тревоги». Дом находился недалеко от угла. «Хорошо, что мы живем на первом этаже и не надо карабкаться вверх по ступенькам». Она вошла под арку во двор и открыла входную дверь. В длинном узком коридоре, ведущем на кухню и в комнаты других жильцов, была еще одна дверь, открывающая вид на темную лестницу. Чтобы попасть к себе домой, надо было спуститься по этой лестнице в полуподвальное помещение – пройти 10 ступенек вниз. Она не помнила, как преодолела это последнее препятствие. У порога она потеряла сознание и упала. Ее мать ждала ее с крошечным кусочком хлеба, который она оторвала для дочери от своей скудной порции со вчерашнего дня. Она с трудом протолкнула хлеб сквозь сжатые зубы лежащей на полу дочери. Кусочек хлеба совершил чудо. Дочь открыла свои огромные, карие, чуть татарские глаза, которые сейчас казались еще больше на бледном лице. «С днем рождения тебя, Фирочка!»

* * *

Семейная встреча в Негорелом всегда происходила летом. В этом маленьком городке под Минском и родился Наташин папа Исаак – Саня, Санек, Санечка, как звала его Фирочка. Летом 1940 года молодая пара еще не была готова показать своего первенца Илюшу родителям Сани – дедушке Шимону (Семену) и бабушке Нехаме. Илюша родился в апреле и был тогда слишком мал для длинной поездки из Ленинграда в Минск, а потом на автобусах до городка. Но через год Фирочка обещала провести лето в доме родителей мужа вместе с малышом. Саня тоже планировал взять отпуск и присоединиться к семье чуть попозже.

Для поездки из России в Белоруссию требовалась виза. К счастью для Фирочки, произошла задержка с ее оформлением. Процесс выдачи визы был довольно сложным: проситель должен был предъявить рекомендацию с места работы о том, что он человек «проверенный» и преданный режиму, а также получить подтверждение с места жительства в том, что он мирно

живет с соседями и не нарушает общественный порядок. После этого он мог обратиться к властям с официальной просьбой о получении визы и терпеливо ждать ее выдачи. После смерти родителей, Наташа нашла разрешение на получение визы с места работы отца среди старых выцветших документов. Вот его текст: «Руководство завода дает рекомендацию на выдачу визы тов. Каплану и членам его семьи в город Негорелое Минской области». Дата выдачи документа: 20 июня 1941 года – за два дня до начала войны. Если бы не это затягивание с оформлением визы, то судьбы Фирочки и Илюши были бы такими же, как и у остальных родных Сани. Но и оставаться в Ленинграде было опасно.

Первая эвакуация женщин с детьми из города началась в начале июля 1941 года. Правительственные комиссии по эвакуации детей рекомендовали отправить детские дома, интернаты и детские сады в обычные места их летнего отдыха – в южном направлении ленинградской области, в сторону Новгорода. Фирочка тоже взяла Илюшу и троих детей своей старшей сестры Риточки: близнецов – 13-летних Валентина (Вольфа) и Нему (Нахума) и 17-летнюю Лилию – и поехала с ними в небольшой городок Малая Вишера, недалеко от Ленинграда. Рита просила младшую сестру спасти ее детей, потому что не могла оставить своего умирающего мужа Павла. Через непродолжительное время он умер от туберкулеза. События на фронтах развивались так быстро, что правительство не успело перевести в Сибирь военный завод, на котором работал Саня. Тем не менее, это важное предприятие перевели из центра города в более надежное место, в пригород. Как один из ведущих сотрудников, Саня остался работать на заводе в блокаду и выполнять заказы для фронта.

Фирочка успела прожить с детьми в Малой Вишере около полутора месяцев. Во второй половине августа Новгород был взят врагами. Захват Малой Вишеры был делом нескольких часов. Первая атака немцев на городок застала Фирочку, стоящей с ребенком на руках в очереди за хлебом. Когда налет закончился, Фирочка срочно собрала Ритиных детей и с маленьким Илюшей отправилась назад, в Ленинград. Начальство детских учреждений также начало лихорадочный вывоз уцелевших в атаке и раненых детей. Но Фирочка не принадлежала ни к какому официальному учреждению, поэтому ей не продавали билеты на поезда в Ленинград. С большим трудом ей удалось купить билеты на последний поезд.

Поезд без конца обстреливался с воздуха, и Фирочка, как и все, прятала детей под сиденьями. Несколько раз обстрелы были такими сильными, что поезд останавливался, и пассажиры прятались в лесу. Оставшиеся в живых маскировали поезд еловыми ветками и продолжали путь в Ленинград. С трудом они успели вернуться в город прежде, чем кольцо блокады сомкнулось вокруг него. Поэтому эвакуироваться в Сибирь они никак не могли. Когда родные Наташи вернулись в Ленинград, железнодорожная связь города со страной уже была прервана.

Так и сложилось, что Фирочка была вынуждена остаться в блокадном городе с полуторагодовалым Илюшей, матерью Ольгой Вульфовой (Владимировной – для окружающих) и младшей сестрой Катюшей. Рита тоже осталась в Ленинграде с тремя детьми, вдова, которой едва исполнилось 40 лет. Рита жила далеко от Фирочки, у Калинкина моста, и в повседневных делах сестры не могли помогать друг дружке. Саня работал на заводе без выходных, там и жил, и лишь в редкие дни навещал родных, чтобы ободрить их и согреть себе сердце.

* * *

Что может Наташа рассказать о Великой Отечественной Войне? Ей не пришлось ее пережить, ведь родилась она уже в послевоенном, 1946 году. Но она много слышала о ней из уст родных. Блокада продолжалась 900 дней. Неудивительно, что для мамы, папы и тети Катюши это был самый травмирующий жизненный опыт. В своих разговорах они без конца возвращались к теме войны. Но Наташе не хватало этих рассказов. Она читала документальную и художественную литературу о войне, смотрела фильмы, а учась в десятом классе, написала олимпиадное

сочинение «Антифашистская тема в романе Лиона Фейхтвангера «Семья Оппенгейм». Здесь, в Израиле, она участвовала в проекте Спилберга и интервьюировала старых людей, выживших в Катастрофе. Внутренняя потребность побуждает ее и сейчас собирать материалы, которые выходят в свет о войне. И до сих пор ее не покидает чувство, что она живет в тени той войны.

Наташа росла на военных песнях. Эти песни распевались по радио в пятидесятые годы в рабочий полдень и в другие часы: «Спойте, друзья, ведь завтра в поход...», «Я по свету немало хаживал», «Синий платочек», «Вьется в теплой печурке огонь», «Эх умирать нам рановато, у нас есть еще дома дела». А одинокие соседки за рюмочкой распевали по вечерам: «Каким ты был, таким ты и остался», и другие красивые песни. Но Наташа, тогда девочка лет четырех – пяти, больше всего любила другую песню. Она маршировала по комнате и пела вместе с певцом:

«Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой,
С фашистской силой темною, с проклятою ордой.
Пусть ярость благородная вскипает как волна,
Идет война народная, священная война».

Наташа пела, и мурашки пробегали у нее по спине от сильного волнения.

* * *

Мама рассказывала Наташе, что когда началась война, все женщины и взрослые девушки были мобилизованы на рытье окопов для предстоящих боев. Фирочка, вернувшись из Малой Вишеры, тоже успела поучаствовать в этой работе. «Я не умела даже лопату держать в руках, но более опытные женщины быстро научили меня обращаться с ней. К тому же я понимала важность нашей работы, ведь враг был совсем близко к городу. Так с лопатами в руках мы и стояли 8 сентября 1941 года, а над нами фашистские самолеты сбрасывали бомбы», – рассказывала Фирочка дочке, когда та уже могла кое-что понимать. «Мы остались в живых просто чудом. Когда мы вернулись домой, тревогу объявляли снова и снова. Поэтому ночью впервые в жизни мы легли спать, не переодевшись в ночное белье – боялись, что нас снова поднимут с постели». Им действительно было чего бояться – в первые сутки блокады было больше десяти тревог, и каждая продолжалась около часа, а то и двух. Перерывы между тревогами были от десяти минут до четверти часа.

И словно мало было ленинградцам обстрелов, на них свалилась еще одна страшная беда – продуктовые Бадаевские склады сгорели в один момент. Сгорел стратегический запас муки, сахара, круп и растительных масел. Запах паленого разнесся далеко по городу, и черный дым заслонил небо. Никто не знал причину трагедии – прямое попадание снаряда, злой умысел правительства или попросту чей-то недосмотр. Так они остались без запаса продовольствия и были, в сущности, приговорены к смерти – либо от обстрелов, либо от голода.

10 сентября, в день рождения Сани, немцы усиленно стреляли в направлении Печатного дома, который находился на Гатчинской улице, где и проживала семья во время блокады. Взрывная волна разбила окна в комнате. Маленький Илюша испугался шума, и с тех пор его чудесные огромные карие глаза, совсем как у Фирочки, начали косить. Ему не рассказали о том, что в тот же день, из-за многочисленных обстрелов, среди первых убитых был и большой слон в зоопарке. Ребенок был слишком маленьким, и его еще не водили в зоопарк, но он много слышал об этом слоне, видел его на картинках и мечтал познакомиться с ним лично.

Весь первый месяц блокады семья Фирочки дисциплинированно спускалась в убежище при первых звуках тревоги. Однако вскоре они прекратили это делать, потому что при условии прямого попадания не было никакой возможности спастись. К тому же разбудить малыша

было очень трудно, да и его бабушке нелегко было быстро собраться, бежать, спускаться в тесное затхлое убежище, подниматься обратно, возвращаться в ледяную комнату и ждать новой тревоги. А когда начались регулярные обстрелы города, Фирочка и Рита, каждая в своем доме, начали дежурить на крышах по ночам и гасить невзорвавшиеся бомбы. Это было опасное задание, и домовые комитеты назначали выполнять его только взрослых и ответственных женщин по очереди. Дочь тети Риты, Лиля, начала работать на заводе и получать рабочую карточку, по которой ей полагалось чуть больше продуктов. Тетя Катюша поступила на работу в ближайший детский садик. Бабушка Ольга занималась маленьким внуком.

Однажды Фирочка вспомнила свое ночное дежурство на крыше 8 октября, когда исполнился месяц с начала блокады.

Волей-неволей, она считала количество тревог: в ту ночь их было восемь. Прожекторы освещали и пронзали небо. Бомбы, упавшие на крышу, шипели и грозились взорваться. Дым разъедал ее глаза, проникал в глотку, в легкие. Лопатой (единственная техника, которая у нее была) она бросала песок на бомбы и снова оставалась в темноте. Иногда ей приходилось приближаться к бомбам, чтобы загасить их, но она не думала об опасности, она думала только о точности движений и не боялась. И лишь в редкие моменты затишья, ее вдруг охватывал ужас: «Где я? Что я делаю? А вдруг я не смогу загасить бомбу? Жизнь всего дома зависит от меня. И прежде всего жизнь моих родных, которые спят сейчас в холодной комнате».

В те времена в коммунальных квартирах телефонов не было, разве что у самых высоких должностных лиц, поэтому Рита и Фирочка не знали, как закончилась очередная тревога, и всегда беспокоились друг о друге. Чтобы убедиться в том, что все благополучно, сестры старались навещать друг друга как можно чаще. Однажды Фирочка с ребенком ехала к Рите. Трамвай медленно тащился и перед горбатым мостиком вдруг встал. Водитель объявил пассажирам, что трамвай дальше по своему маршруту не пойдет, а свернет в другом направлении. Хочешь-не хочешь, но пришлось Фирочке выйти. Она была очень разочарована, ведь трамваи ходили очень редко – раз в час, а то и в два. Да и сама поездка требовала массу времени. Она планировала вернуться домой засветло, но сейчас было ясно, что осуществить свой план ей не удастся.

Она осталась на остановке с ребенком на руках и посмотрела на удаляющийся трамвай. Он поднялся на горбчатый мостик и вдруг раздался оглушительный взрыв. Несколько снарядов почти одновременно напрямую попали в трамвай. Трамвай остановился, сошел с рельсов и упал набок. Фирочка оцепенела, ведь всего несколько минут назад они с Илюшей сидели в этом, теперь разрушенном трамвае! Если бы не изменение маршрута, они разделили бы судьбу пассажиров трамвая. Она обняла испуганного ребенка и впервые с детских лет слова еврейской молитвы «Шма» («Слушай Израиль») спонтанно вырвались из уст Фирочки, женщины неверующей, да и не подозревающей, что она помнит эту молитву. Они пришли к ней от глубокой внутренней потребности, в момент опасности для жизни ее и ее ребенка. И никакие социалистические лозунги, вбиваемые в ее голову на протяжении долгих лет советской власти, не смогли их стереть.

В середине декабря трамваи перестали ходить, потому что все трамвайные рельсы в городе были разрушены. Но Фирочка не отказалась от идеи навещать сестру. Она решила ходить к ней пешком, естественно уже без Илюши. Это был настоящий поход, который продолжался несколько часов, ведь Фирочка была уже очень слаба. «Но Риточка была слабее меня», – рассказывала она дочери, – а близнецы распухли и кричали от голода. Поэтому я и решила сама ходить к ним».

Даже в условиях блокады сестры изо всех сил старались придавать жизни видимость обыденности, нормальности. Некоторые театры в городе продолжали работать. В середине октября Фирочка и Катюша ходили на спектакль Д.Б. Пристли «Опасный поворот». «Большинство зрителей, ну, конечно, и мы с Катюшей принесли противогазы – на всякий случай. А актеры были просто героями, ведь они играли с риском для жизни, но играли великолепно. Нам было очень

важно чувствовать себя людьми посреди всего этого кошмара. И ты знаешь, доченька, зал был полон. Вероятно, многие чувствовали, как и мы».

Но со временем единственным источником внешних впечатлений стало радио. Радио работало целые сутки, тикало ночью, объявляло о тревогах. По радио они слушали стихи поэтессы Ольги Берггольц, незабываемый голос диктора Юрия Левитана, музыку, а главное – новости, новости с фронта. 7 ноября воюющая страна праздновала годовщину Великой Октябрьской Социалистической Революции. Впервые с 1917 года на Дворцовой площади не был организован военный парад, но по радио проносились оптимистические речи, раздавалась радостная музыка. В тот же день другая новость потрясла сестер – Кнут Гамсун, их любимый норвежский писатель, согласился с нацистской идеологией. А они-то восхищались тем, как верно он описывал их состояние в своем романе «Голод». Но они и не подозревали, какой голод им еще предстоит.

В конце ноября хлебные нормы всех членов семьи уменьшились. Саня на заводе начал получать 200 граммов хлеба в день, и не было у него ничего, чем он мог бы побаловать ребенка. Сестры, их мать и ребенок считались иждивенцами, поэтому их хлебные нормы упали до 125 граммов в день. В доме не было никаких других продуктов, потому что с середины декабря в магазинах нечем было отovarить продуктовые карточки. Декабрь и январь были месяцами самой высокой смертности в городе. 125 граммов хлеба на человека в день – это была верная смерть.

По рассказам Фирочки, их с Катюшей мама, бабушка Ольга, старинная жительница Ленинграда, часто вспоминала голод начала 20-х годов, когда город еще назывался Петроград. Тогда они тоже пользовались «буржуйками» (маленькими печками), и они напоминали ей времена Гражданской войны. В те времена она исполняла те же семейные обязанности, которые сейчас выпали на долю Фирочки, только у нее уже было несколько детей, которые зависели от нее. По мнению бабушки Ольги, тогдашний голод был несравним с блокадным. Тогда можно было поехать в отдаленную деревню, купить хлеб, муку, крупу и масло и накормить семью. Человек, у которого были деньги, не голодал.

Теперь деньги утратили ценность. Зарплата, которую Саня получал на заводе, не помогала. Никто не интересовался деньгами. Человек, потерявший продуктовые карточки, был обречен на смерть. Однако обмен товарами был весьма распространен. Например, большой ковер можно было обменять на килограмм хлеба, или выменять хорошие кожаные туфли на полкило хлеба, или платье на 100 г. хлеба. Но у родных Наташи уже не было ни ковров, ни платьев, ни туфель – все ценное Фирочка продала еще в начале блокады.

Тогда Фирочка продала и те немногие драгоценности, которые ее матери удалось утаить от «товарищей» – большевиков, которые пришли к ним в усадьбу под Витебском в 1917 году. Тогда они отдали им все, не жалея, но Фирочкина мама спрятала от них самое дорогое – свое обручальное кольцо и бриллиантовую брошь, которую дедушка Илья подарил ей, когда она родила ему сына-первенца, Соломона. У самой Фирочки не было драгоценностей, у нее не было даже обручального кольца, так как ее поколение – новое поколение строителей социализма, считало это проявлением мещанства. Поэтому она продала кое-что из одежды, кроме самого необходимого для них самих.

В середине декабря в доме было пусто и очень холодно, потому что гитлеровцы сумели разрушить все важные системы для существования блокадного города: водопровод, электричество, центральное отопление. К несчастью, в первую блокадную зиму в Ленинграде царил мороз 30-40 градусов ниже нуля. Поэтому Фирочка начала использовать в качестве топлива столы, стулья, шкафы. Сжигание мебели позволило им продержаться какое-то время. Когда же не осталось мебели, без которой можно было хоть как-то существовать, Фирочка поняла, что пришла очередь богатой библиотеки, которую Саня с любовью собирал во время своего холостячества. Уже давно ей не приходилось топить большую печь, потому что у нее не было

чем растопить хотя бы саму печь. А «буржуйка» (маленькая металлическая печка) пожирала намного меньше топлива, разогревалась всего лишь после нескольких книг и создавала иллюзию настоящего тепла. Но с такой же скоростью печка и охлаждалась, поэтому Фирочка топила ее только по вечерам. Родные Наташи старались уснуть в этот короткий промежуток времени, пока им было тепло.

В одну из ночей, когда бабушка Ольга уже была тяжело больна, Фирочка сидела около буржуйки и в отчаянии, не глядя, бросала в огонь том за томом, чтобы хоть как-то согреть комнату. Неожиданно на середину комнаты выскочила огромная крыса, тоже голодная, и уставилась на Фирочку. Не было у Фирочки сил ни убить ее, ни выгнать. А она была женщина деликатная и всегда боялась мышей и крыс. Некоторое время они смотрели друг на друга, и крыса сдалась первой и убежала.

Фирочка очнулась от своего оцепенения, бросила взгляд на книгу, которая застыла в ее руке по пути в огонь – Пушкин. Огонь уже сожрал четыре коричневых томика его произведений издательства «Академия». Санечке было нелегко купить их, но он всегда покупал книги хороших издательств, даже когда был студентом. А она – она сожгла их, чтобы согреть комнату. Он работает сейчас на своем заводе в холоде и голоде, чтобы обеспечить авиацию новыми самолетами... Остались еще два томика: второй и третий. До сих пор они хранятся в семейной библиотеке. В ту ночь Фирочка плакала. И это, несмотря на то, что слезы в ее восприятии всегда были проявлением слабости, и дочь почти не помнит свою маму плачущей.

Они страдали не только от голода и холода. Им не хватало и воды. Фирочка рассказывала Наташе: «Мы возили воду в ведрах, на саночках из Невы от Тучкова моста по Большому проспекту до самого дома. Мы с Катюшей тогда уже совсем ослабели. Иногда по дороге домой саночки переворачивались, вода проливалась, ноги наши скользили, и мы падали на заледневшую мостовую. Но мы не сдавались, снова возвращались к мосту, спускались к реке, опять стояли в длинной очереди, и, стоя на коленях, набирали воду из проруби.

Мороз был таким сильным, что колени примерзали ко льду. Мы наполняли ведра и отправлялись домой. По всему Большому проспекту лежали мертвые тела. Но мы не плакали, мы всегда думали: надо жить, надо это преодолеть, не смириться. В доме всегда была вода. Хлеба могло не быть, но вода была всегда».

В леденящем холоде комнаты вода в ведре замерзала и покрывалась ледяной корочкой. Кипятили воду в той же маленькой печке. Мылись регулярно. Боялись вшей, но не стригли свои густые пышные волосы, мыли их раз или два в неделю. Не распускали себя. Одежда была заштопанная, но всегда чистая и аккуратная.

Наша война была дома. Это была борьба с собой, со своим телом, которое требовало еды. Гот ин Химмель (Боже Небесный – идиш), доченька, как тяжело мне было нести домой еду и не попробовать ее! Выстоять несколько часов за хлебом на морозе в длиннющей очереди, получить буханку горячего ароматного хлеба – и не попробовать его... Иногда я плакала от голода, но не прикасалась к хлебу, ведь хлеб тогда был нашей жизнью, в полном смысле слова. И Катюша, сама такая ослабевшая, приносила Илюше в кастрюльке компот из садика – свою порцию, отрывала от себя. И папа наш приносил в кармане черный сухарь, который утаивал сам от себя, чтобы отдать его сыну.

Чтобы выжить и не сойти с ума, мы создали себе твердый режим дня, похожий на обычный. Читали книги, слушали музыку, вместе ели. Делили хлеб на три приема пищи: завтрак, обед и ужин. Каждую часть я делила на число едоков. Стелила белую скатерть, пока это было возможно, подавала приборы и тарелки – ради иллюзии совместного приема пищи «как раньше». Годы спустя она рассказывала дочери: «Не знаю, откуда я черпала на это силы. Я думала про себя: я – человек. Я уважаю себя. Я ем из тарелки. Мы их (врагов) одолеем».

Откуда брался хлеб, хотя и скудный, в эти месяцы в блокадном городе при том, что все запасы съестного на складах сгорели? Никто не знает. Но пекарни получали муку и пекли хлеб.

Правильно, что хлеб этот был черный и влажный как земля и, по словам Фирочки, – «нельзя было понять, есть ли там зерно вообще. Но у него был запах хлеба, и для нас не было ничего вкуснее него».

По рассказам мамы, с первых месяцев блокады, в условиях строгой секретности, прямо под носом врага, через Ладожское озеро переправлялись суда и паромы, груженные продовольствием. Это были опасные операции, и многие суда утонули под обстрелами, но некоторые из них умудрялись добраться до голодающего города. В ноябре судам приходилось пробивать первый лед на озере, но к концу ноября они уже не могли справиться с этой задачей. Однако спасатели города не сдавались.

И в одну из декабрьских ночей, когда смертность в городе достигла апогея, первые небольшие грузовички, полуторки, прошли по ладожскому льду, и Ленинград снова начал получать хлеб. Дорога была хрупкой, и многие машины тонули вместе с водителями и грузом в ледяной воде. Бывали случаи, когда машины теряли направление, потому что ехали всегда в полнейшей темноте. А сколько девушек – регулировщиц погибло на этой дороге! И среди них их соседка по квартире, молоденькая и бесстрашная Валя Ветрова. Она хорошо понимала, что эта дорога, в самом деле, несла людям жизнь – хлеб.

Как только начала функционировать «дорога жизни», хлебные нормы немного увеличились. Первый успех вдохновил спасателей. Они быстро поняли, что если возможно привозить хлеб в осажденный город, значит можно и вывозить из него людей на обратных рейсах, на тех же грузовичках. Поэтому в конце января было решено эвакуировать полмиллиона ленинградцев по «дороге жизни» на «большую землю». В течение ближайших трех месяцев планировалось вывезти самых слабых, и прежде всего семьи с маленькими детьми.

Родные Наташи тоже вошли в списки на эвакуацию. Однако именно в это время бабушка Ольга тяжело заболела. Ее сердце не выдержало постоянного холода, голода и тревог, и она слегла. Состоялся семейный совет, и было решено, что Риточка обязана спастись сама и спасти своих детей и поедет с ними в эвакуацию в Сибирь, как им было предписано – в город Омск. Младшие сестры, Фирочка с ребенком и Катюша, решили остаться с больной матерью в Ленинграде. Когда мама поправится, они тоже поедут за ними в эвакуацию, с деланным оптимизмом сказала Фирочка. Риточка предложила взять с собой Илюшу, но Фирочка наотрез отказалась разлучаться с сыном. Расставание было тяжелым. Все опасались, что увидеться им больше не удастся.

Риточка начала готовиться к эвакуации со своими тремя детьми. Близнецы, которым в феврале 42 года исполнилось 14 лет, распухли и были уже ко всему равнодушны от голода. Даже Валентин, более активный, чем Наум, лежал без движения. Однако у обоих все еще слышалось сердцебиение. Когда их внесли на одних носилках в грузовик, кто-то сказал: «Они не выживут в дороге». И в самом деле, на рассвете в каждом грузовике обнаружили по пять-шесть трупов детей, но близнецы выжили и даже сумели доехать в поезде до Сибири. Там при простом, но здоровом и достаточном питании они вновь пробудились к жизни. «Это было настоящее воскрешение из мертвых», – рассказывала Рита своим сестрам впоследствии. «Мои «старички» помолодели, у них появились щечки, они начали ходить и бегать и даже шалить, как им и следовало по их возрасту».

А семья Фирочки «застряла» в блокадном Ленинграде. С каждым новым днем их силы таяли. Они слышали, что те, кто добирался до «большой земли», получали 800 г хлеба и обед из нормальной еды – каши, картофеля и даже мяса. Но как далеки они были от этих благ!

Когда Риточка уехала в Сибирь, Фирочка и Катюша бросили все силы, чтобы спасти свою маму. Они и сами уже ходили на старушек, потому что жировая прослойка сошла с их тел, растаяли мышцы, началась общая дистрофия, лица были лишены всякого выражения, глаза застыли. Им было больно сидеть, и не было сил ходить. Однако они ходили – по внутреннему приказу. Их ноги двигались по прежним маршрутам – за водой на Неву, в магазин – за хлебом,

их руки топили печку, кипятили воду, их сознание теплилось. Они были молодыми женщинами, но месячные у них исчезли, пропала грудь, вместе со всеми признаками возраста. Так выглядели тогда все женщины.

«Когда Санечка приходил домой», – рассказывала Фирочка Наташе, когда дочь уже была взрослой, – «мы не были с ним мужем и женой, мы и не думали об этом. Он страдал от голода и болезней больше меня, как все мужчины во время блокады. Соседки говорили мне – не разрешайте ему приходить домой, ваш муж скоро умрет. Посмотрите, как он выглядит – он еле волочит ноги. Но его было невозможно остановить. Когда он приходил, мы обнимали друг друга, смотрели друг дружке в глаза, сидели несколько минут рядышком – дарили друг другу тепло своих тел. Какое это было счастье! Он обнимал Илюшу, целовал его щечки, прикивал к его головке.словно священнодействуя, он доставал из кармана черный сухарь или кусочек сахара в бумажке. Сын сиял при виде папы, его вечно сосредоточенное личико голодного ребенка светилось от радости – ради этого Санечке стоило проделывать его трудный путь. Потом он с усилием вставал и несколько часов шел обратно на свой завод, ведь трамваи все еще не ходили».

В 80-е годы Наташа прочитала книгу Даниила Гранина и Алеся Адамовича «Блокадная книга». Согласно «Блокадной книге», первыми в осажденном городе умирали подростки – уже в декабре 1941 года, за ними в этом скорбном списке шли старики и маленькие дети – в январе и феврале 1942 года, и последними умирали женщины, которые пытались спасти своих детей от смерти. Несмотря на холод и голод, они должны были спасти жизнь своих любимых, еще более слабых и зависящих от них.

Благодаря усилиям Фирочки и Катюши, бабушка Ольга прожила дольше большинства своих ровесников во время блокады Ленинграда. Перед Великой Отечественной войной она была женщиной относительно здоровой. Конечно, от перенесенных переживаний во время революции и Гражданской войны, у нее временами пошаливало сердце, но, в общем и целом, она не жаловалась на здоровье. На предвоенной фотографии видно, что на переднем плане, в окружении своих взрослых детей сидит пожилая женщина, лет шестидесяти, сильная и весьма энергичная. Однако обстрелы, голод и заботы о жизни родных сотворили свою разрушительную работу.

Уже с начала 1942 года она не могла подняться с постели. Дочери кормили ее «супом», который пытались хоть как-то обогатить считанными крупинками зерна, в то время как в их собственных тарелках не было почти ничего, кроме крутого кипятка. Ведь усилия тех, кто самоотверженно обслуживал «дорогу жизни», были словно капля в море – население города было все еще слишком велико по сравнению с количеством продуктов, которые доходили с «большой земли». А состояние здоровья бабушки было уже необратимым. «Что вы там едите?» – спрашивала лежащая в постели мать у дочерей, сидящих за столом, «как раньше», и которой было не видно содержимое их тарелок. – «Ешь, ешь», – уговаривали ее голодные дочери.

Мать чувствовала, что продержится недолго, и спешила рассказать дочерям то, что было так важно для нее из их семейной истории. В течение долгих лет она скрывала от детей несколько фактов из дореволюционной истории семьи, которые могли повредить им при советской власти. Но сейчас, на пороге смерти, она уже не боялась. И в относительно спокойные от обстрелов вечера обе сестры устраивались на большой кровати, свернувшись калачиком, и, укрывшись одеялами и пальто, слушали рассказы матери. Ей было тяжело говорить из-за сердечной недостаточности, от этого заболевания в его конечной стадии она и страдала. Но она преодолевала слабость и не прекращала свое повествование.

Конечно, Фирочка, которая родилась в 1911 году в Санкт-Петербурге, еще помнила кое-что из «той» жизни. Однако Катюша, ее младшая сестра, не знала ничего об истории семьи. Ведь она родилась в голодные годы в Петрограде, уже после Великой Октябрьской революции, и застала лишь голод и нищету. Но и для Фирочки многое было новым в рассказах матери.

Сестры видели, что, несмотря на все их усилия, их мама слабеет с каждым днем, и потому особенно ценили и жадно впитывали каждое ее слово. К тому же ее рассказы отвлекали их от мыслей о холоде и голоде и звучали в их жутковатом жилище как настоящая сказка. Они увлекали даже маленького Илюшу: он лежал в своей кроватке, заботливо укутанный одеялами, не плакал и не требовал к себе внимания, он тоже внимательно слушал голос бабушки и засыпал под его звуки, не понимая их содержания.

* * *

Наша семья была богатой и образованной. Во второй половине XIX века, когда наиболее богатые евреи России получили разрешение на проживание за пределами черты оседлости, мои родные, купцы первой гильдии, переехали в столицу, в Петербург. Поэтому мы, и папочка ваш, и я родились уже здесь, в Санкт-Петербурге. Вы, девочки, помните его в должности мелкого служащего с низкой зарплатой и с большим сердцем. А когда с ним познакомилась я, он был крупным лесоторговцем, полным сил и энергии. Он получил хорошее домашнее образование, а потом учился в еврейской гимназии, а также в Санкт-Петербургском Лесном институте – уважаемом и известном учебном заведении. Сам по себе факт, что он закончил такое учебное заведение, как институт, примечателен, потому что при приеме евреев туда соблюдалась 3-х процентная норма и принимали туда только самых талантливых. Те евреи, которые хотели поступить в университеты сверх процентной нормы, должны были креститься. Но ваш папочка никогда не крестился.

Мои родители тоже дали мне хорошее домашнее образование: меня обучали иностранным языкам, игре на музыкальных инструментах, танцам. Затем я окончила еврейскую гимназию, в которой преподавались и точные, и гуманитарные науки. Когда мне исполнилось 17 лет, я и думать не хотела о замужестве. Я мечтала о поступлении в университет. Но так уж было тогда принято – в наш дом пришла сваха и привела «жениха». Когда я увидела его впервые, ему было 27 лет, и он показался мне старым и слишком серьезным. Он тоже не был от меня в восторге. При взгляде на меня он сказал свахе: «К чему мне такая девочка? Мне нужна серьезная жена, хозяйка дома. А ей впору в куклы играть». Он уже был готов отказаться от затеи сватовства, но мы оба очень понравились друг другу и, в конечном счете, поженились по страстной любви. Хотя я и была совсем юной, я очень старалась быть и красивой женой, и хорошей хозяйкой, потому что очень полюбила его.

На улице Марата (бывшая Николаевская улица), недалеко от Невского проспекта, на котором жили дворяне и купцы, в большом доме со швейцаром у вашего папочки была красивая и просторная квартира, достаточная для многочисленного семейства. Там мы и поселились после свадьбы.

Сестры обменялись беглым взглядом. Фирочка, конечно, помнила ту квартиру, но довольно смутно, потому что после революции их «уплотнили», подселили к ним новых шумных «строителей коммунизма» и сделали общежитие из уютного жилища, когда ей было всего шесть лет. А Катюша помнила лишь маленькую комнату в той квартире, в которой они жили в результате радикального «уплотнения». Из той маленькой комнаты в центре города их окончательно выселили в комнату на Гатчинской улице в 1937 году. Но они не хотели прерывать рассказ матери, и она продолжала.

Кроме квартиры на улице Марата в С.-Петербурге, у нас была усадьба в городе Городок Витебской губернии в Белоруссии. В сущности, это и было наше первоначальное семейное гнездо. Там родились мои родители, дедушки и бабушки. Там родились наши дети. Там в 1897 году родился Соломончик, за ним в 1900 году родилась Риточка, на два года позже родился Левушка, а после него, с перерывом в шесть лет, в 1908 году, родился Арончик, а потом и ты, Фирочка. Зимой мы возвращались в Петербург. Так мы и жили на два дома, пока

старшие дети не подросли, и не надо было оформлять их в гимназию. Тогда мы вернулись в Петербург, но использовали каждую возможность, чтобы проводить время на природе. С тех времен, Фирочка, в семье сохранилась фотография. На ней ты, годовалая, сидишь в центре на высокой тумбочке, а я поддерживаю тебя обеими руками.

* * *

Фотография сохранилась в семье Илюши и Наташи до настоящего времени. Сама бабушка Ольга сидит слева от Фирочки и выглядит как молодая красивая дама с волнистыми шатеновыми волосами, убранными наверх в красивый большой узел. На ней длинное платье до полу с кружевами и другими украшениями. В ушах и на пальцах элегантные драгоценности. Во всем угадываются мера, хороший вкус и достаток. Ее свободная поза и открытый взгляд говорят о том, что эта женщина счастлива и довольна жизнью.

Дедушка Илья сидит справа. Его правая рука обнимает младшего сына, Арончика. На дедушке длинный пиджак из добротной ткани с отворотами, белая рубашка с твердым воротничком и аккуратно завязанный галстук. У него высокий выпуклый лоб, его большие карие, чуть татарские глаза прямо смотрят в камеру. Взгляд умный, серьезный. Он выглядит человеком обеспеченным, уважаемым и тоже довольным своей жизнью.

По левую руку от отца стоит 15-летний Соломон в гимназической форме, он стоит навытяжку и напряженно смотрит в объектив. Младший, 4-х летний Арончик, одетый в матросский костюмчик, облокотился об отцовское колено и чувствует себя вполне уверенно. 12-летняя Риточка стоит рядом с матерью в белом праздничном платье. И она, и 10-летний гимназист Левушка, сидящий рядом с сестрой, явно не хотят фотографироваться и смотрят слегка исподлобья. Это придает фотографии необыкновенную естественность. Годовалая Фирочка сидит в коротком белом платьице с вышивкой вокруг шейки, но ее пухленькие ножки обнажены. У всей семьи праздничный вид. Даже младшей дочери сделали аккуратный проборчик в коротких волосах. Можно представить себе, как долго и тщательно готовили детей к этой съемке, однако, заставить улыбнуться никого из них не удалось – безмятежно улыбается и размахивает ножками только маленькая Фирочка. На обратной стороне фотографии написано рукой уже взрослой Фирочки: «1912 год. Артистическая фотография. Санкт-Петербург».

* * *

Мать понимала, что жить ей осталось недолго, и угасала с достоинством. Так, она регулярно принимала бесполезные валериановые капли, чтобы порадовать дочерей и сделать вид, что болезнь у нее обычная, не тяжелая. Сестры подыгрывали матери – они продолжали читать книги, слушать музыку, воспитывать ребенка. Но они жаждали услышать ее рассказы, которые, как они боялись, могли оказаться последними.

* * *

Фирочка (полное имя Эсфирь) помнила себя с очень раннего возраста, но рассказы матери о семейном прошлом словно осветили сильным светом то, что она смутно помнила, или помнила, но не понимала. Среди ее первых воспоминаний были длинные семейные вечера в поместье под Витебском, где они проводили лето. Их дом был всегда открыт для друзей братьев и сестер Фирочки. У старшего брата Соломона была своя компания гимназистов и студентов, которые с удовольствием приходили в их гостеприимный дом. Отец Фирочки – Илья был теплым и веселым человеком. Он играл на скрипке и был великолепным скрипачом. И скрипка

у него была великолепная – Амати. Родители учили детей играть на пианино и скрипке. По вечерам вся семья играла и пела, а старенькая бабушка, мама бабушки Ольги, сидела с ними вместе в белом кружевном чепце, чтобы старшие внуки не стеснялись ее седины перед гостями. В перерывах друзья Соломона разговаривали о политике. В эти моменты бабушка обычно стояла у окна, чтобы предупредить заговорщиков о возможном приходе жандармов.

Родители знали о том, что Соломон является членом антиправительственной организации и, очевидно, поддерживали его идеи. Но однажды, несмотря на все усилия бабушки, жандармы ворвались в дом и забрали Соломона и его друзей. Фирочка хорошо запомнила сцену ареста, хотя ей было тогда не больше четырех или пяти лет. Следствие велось в Петербурге, и родители начали часто ездить туда. Они подали прошение в канцелярию правительства и ждали ответа. Иногда Соломону удавалось присылать из тюрьмы короткие записки. Родители читали их по вечерам, но уже не пускали в дом чужих людей и хранили в секрете сведения о сыне.

Однажды в дом доставили особое письмо с золотой печатью. Мама Фирочки вскрыла конверт дрожащими руками. Когда она взглянула на документ, она побледнела так, что Рита сразу увела малышей из гостиной. Арончик и Фирочка прокрались к двери и услышали сдержанные рыдания мамы и слова папы о том, что Соломончик приговорен к расстрелу. Оба ребенка ворвались в комнату и бросились к родителям в отчаянии и рыданиях. Но времени на эмоции у них не было. Родители и старшие дети, включая Арончика, быстро собрались в дорогу и отправились в Петербург, чтобы увидеть Соломона в последний раз. Дома оставили только Фирочку с няней. К их удивлению, все вернулись домой, если не радостные, то довольно спокойные. Выяснилось, что Соломону удалось избежать приговора – он бежал из тюрьмы с помощью его подруги Розы, и в настоящий момент тайная полиция разыскивает его.

После долгой и тревожной паузы от Соломона пришло письмо с посылным. Отец читал письмо в гостиной, а вся семья напряженно слушала. Соломон писал, что он жив и здоров, Роза находится с ним и во всем поддерживает его. Он просил прислать ответ с посылным, его старым и верным другом. Вся семья участвовала в написании ответа, а посылный терпеливо ждал, при этом поглощая невероятное количество еды и стаканов чая. Он рассказал, что Соломон живет на Урале, в маленьком городке Суксун, что его положение устойчиво, потому что в городке много товарищей по оружию, вот-вот произойдет революция, всему этому кошмару придет конец, и семья вновь объединится.

Но судьба распорядилась иначе. Как раз после Великой Октябрьской Социалистической революции 1917 года надежная жизнь семьи закончилась. Фирочке было уже шесть лет, и она хорошо помнила, как пришли «товарищи», большевики, и забрали все имущество семьи. По правде говоря, родители расстались с усадьбой без особых сожалений. Они тоже вместе со старшим сыном были вовлечены в водоворот событий и разделяли идеалы революции. Как и вся еврейская интеллигенция столичного города, родители в этой семье, и Ольга Вульфовна, и ее муж, Илья Наумович, были демократами – если не по своим политическим взглядам, то по своим чувствам. Поэтому не из страха перед новым режимом они отдали большую часть своего имущества большевикам, а потому что они, в самом деле, верили в равенство всех людей. У них был избыток имущества, и они считали правильным поделиться им с другими людьми и не видели в этом ничего особенного.

И до революции Ольга Вульфовна активно занималась благотворительностью, и муж всегда ее в этом поддерживал.

Фирочка помнила сцены из далекого детства, когда мамыны подруги приходили к ним в дом, устраивали долгие заседания за столом в их гостиной и распределяли адреса людей, нуждающихся в материальной помощи. При этом они поедали пироги свежей домашней выпечки, макая их в сладкий кагор, который тогда считался целебным вином. «Так они могли съесть и

выпить много», – рассказывала Фирочка своим детям со смехом много лет спустя. В наблюдательности ей было не отказать.

Но действия этих дам были весьма серьезными. Мама Фирочки собирала одежду, деньги, еду, организовывала посещения больных и похороны бедных. За ее столом всегда питалось несколько неимущих еврейских детей, приехавших учиться из провинции в столицу. Они содержали сиротские дома. Поэтому родители Фирочки благословляли приход революции, как приход истинно справедливой власти. А Ольга Вульфовна даже посчитала, что отдала «товарищам» мало – по собственной инициативе она сходила на вещевой склад и отнесла туда свою шубу.

К счастью для семейства Фирочки, они отдали, не споря, свое имущество большевикам. Через некоторое время они поняли, насколько правильно они повели себя – послышались крики и звуки стрельбы. Их соседи из ближней усадьбы отказались отдавать большевикам свое добро, и их расстреляли на месте «именем революции». Это было первое потрясение, которое вызвала революция. Родители Фирочки еще не знали, что в первую же ночь после революции Ленин подписал около шестидесяти декретов, которые превратили владельцев собственности в неимущих. Их имущество было конфисковано в пользу государства, а сами они были объявлены вне закона и не могли обеспечивать свои семьи. В одно мгновение их общественный статус упал до нуля. Чтобы сделать их положение необратимым, Ленин послал приказ народному комиссару по судебным делам уничтожить все нотариальные документы на частное владение землями, заводами и другой частной собственностью.

По словам великого русского философа В. Розанова, Социалистическая революция была для России как «черный огонь». В этом «черном огне» сгорели все иллюзии дедушки и бабушки Наташи, и ее родителей Фирочки и Сани, и даже самого дяди Соломона. Все они очень скоро прозрели, но объединиться семье уже никогда не удалось.

Как и во многих других многодетных семьях, их дети оказались по разные стороны баррикад. Вместе со старшим сыном родители верили в справедливость революции. Но ни он, двадцатилетний юноша, выросший на идеалах демократии, ни они, образованные либералы, не подозревали, каким окажется истинное лицо революции. Это знакомство произошло в годы взросления их второго сына, Левушки, которому в это время исполнилось 15 лет. Не удивительно, что, увидев первые шаги новой власти, он был настроен по отношению к ней враждебно.

В 1917 году Фирочкиному папе было 48 лет. Только вчера он был сильным и обеспеченным человеком, и в мгновение ока он превратился в неимущего безработного, лишенного даже жилья. В глазах властей он стал «подозрительным элементом», как и все, кто не принадлежал к пролетариату или бедному крестьянству. Но у него оставалась еще квартира в центре Петербурга (теперь уже Петрограда), и туда он направился с женой и оставшимися детьми.

Поезда были набиты битком, потому что многие чувствовали себя потерянными в новой действительности и хлынули в большие города. Условия в поезде были невыносимыми. Десятки людей ютились в каждом купе, там царили грязь и заразные болезни. Девятилетний Арончик заразился сыпным тифом и, когда они приехали домой, у него уже был сильный озноб и головная боль.

Они не узнали Петроград. Город был затемнен, повсюду царил беспорядок. Около парадной двери их дома не было привычного швейцара. Дверь их квартиры была заперта на новый замок, на стене висели разномастные звонки, пришлось звонить наугад. Им открыли новые жильцы, совершенно чужие люди. Оказалось, что, согласно приказу новой власти, их «уплотнили», и в квартиру поселили новых людей, оставив им только маленькую комнату. В «их» комнате было холодно и не было электричества. Повсюду были следы мародерства. Оставили только дорогой концертный рояль, производства фирмы «Беккер», известной Баварской фирмы – очевидно новые соседи не нашли ему применения. Спасибо, что не пустили на рас-

топку. Украли и запас свечей. На кухне тоже все было разграблено, включая кухонные принадлежности семьи. Но времени на суд и следствие у них не было, надо было лечить больного ребенка.

Наутро у Арончика была высокая температура, он покрылся сыпью, все время бредил и не реагировал на голоса родных. Обеспечить его настоящей медицинской помощью не успели, и через несколько дней он умер. Маленькая могила Арончика была первой семейной могилой на еврейском Преображенском кладбище в Петрограде. Мальчик был и первой жертвой семьи в горниле революции. Фирочка вспоминала братика до конца жизни. Она рассказывала Наташе о том, как они были близки. Не только о том, что он был другом ее детских игр, ее большим другом, хотя и об этом, конечно, тоже, но и о том, что после смерти Арончика она страдала от одиночества.

Смерть брата, с которым ее разделяли всего три года, была первой смертью близкого человека в ее жизни. К тому же у нее было мистическое чувство, что он взял на себя ее судьбу. Дело было в том, что когда Фирочка родилась, родители поменяли их свидетельства о рождении, чтобы отсрочить его службу в царской армии на несколько лет. Однако Арончик не дожил даже до 10 лет, и не спасли его ни новый возраст, ни второе имя, которое успел дать ему раввин во время болезни. После его смерти, Фирочке вернули ее настоящую дату рождения.

У семьи не было возможности соблюсти семидневный траур по Арончику не только из-за откровенного антисемитизма их соседей, но и прежде всего потому, что родители должны были думать о том, чем накормить голодных детей, ведь у них не было даже хлеба. Это был период «военного коммунизма», адское изобретение Ленина. Оно состояло в изъятии хлеба у крестьян в количествах, необходимых для города, и раздаче его рабочим на заводах и других предприятиях. Это был безденежный обмен на сельскохозяйственную технику. Как «подозрительные элементы», родные Наташи не имели права на получение продовольственных карточек, поэтому не получали от государства никакой поддержки.

Фирочкиной маме пришлось ездить в ближние пригороды Петрограда, а потом и в более отдаленные, чтобы спасти от голода уцелевших членов семьи. Для этого ей приходилось идти на неприсущую ей практичность. Поскольку она все же умудрилась скрыть от «товарищей» некоторые драгоценности, сейчас она постепенно обменивала их на муку, крупы и хлеб. Выяснилось, что и ее муж способен на здоровую инициативу не только в условиях свободного рынка, но и «военного коммунизма». Он совершенно не боялся физической работы, раздобыл «буржуйку» – маленькую металлическую печурку, столь необходимую в их разграбленном жилище. Она быстро согревала маленькую комнату, помогала вскипятить чайник и даже сварить суп, потому что заниматься этим в кухне было иногда весьма неприятно и даже опасно – соседи могли подбросить в кастрюлю какую-нибудь отраву.

Революция была анти-буржуазной, и название «буржуйка» привилось. Такими же печурками обогревались и в блокадном Ленинграде во время Великой Отечественной войны, хотя класс буржуев давно был искоренен, но само слово осталось. Была «буржуйка» и у родных Наташи. Когда после войны родилась сама Наташа, она обнаружила в чулане маленькую металлическую печечку. Фирочка объяснила дочке, что у нее не хватило духу выбросить ее. Слово «буржуйка» рассмешило девочку. Но она поняла, что печечка участвовала в спасении ее семьи во время блокады Ленинграда.

И тогда, зимой 1921/22 гг. тоже было особенно холодно. Ту зиму Фирочка уже помнила хорошо, приближался ее очередной день рождения, а родителям было нечем растопить буржуйку и побаловать дочку хоть каким-нибудь лакомством. Они с трудом могли обогреть свою маленькую комнату. Неожиданно «люди из бывших» были приглашены на разгрузку вагонов на железнодорожный вокзал, куда прибыли поезда с бревнами. Ослабленные голодом, в некогда нарядной, а теперь изрядно поблекшей и поношенной одежде, родители Фирочки пришли на вокзал, чтобы заработать на топливо для дома. Вместе с другими «бывшими» они с трудом

разгружали вагон, а рядом стоял наблюдающий и следил, как они носят тяжелые бревна своими неумелыми руками в заштопанных перчатках.

Возможно, тогда Фирочкина мама вспомнила о меховой шубе, которую она отнесла «товарищам» на вещевой склад для бедных по собственной инициативе? Возможно, и в голове ее мужа мелькнула мысль, что совсем недавно он был процветающим лесоторговцем, в его доме было тепло и светло, у пианино сидела красивая женщина, играла вальсы и мазурки Шопена, а их дети танцевали. А после этого он сам играл на скрипке, и все затихало, слушали только скрипку и забывали свою ликующую радость. А что теперь? Он посмотрел на жену и ужаснулся ее бледности, тонким морщинкам на ее лице, все еще красивом. Что сотворила жизнь с той девочкой? Неожиданно она потеряла сознание и упала на снег. Он бережно помог ей прийти в себя и подняться. В конце концов, они сумели привезти на саночках домой несколько бревен для обогрева своего маленького жилища.

Дома жена сказала ему, что перед обмороком почувствовала сильную слабость и головокружение и объяснила это постоянным голодом. Но на следующий день она все же сходила к женскому врачу и от него узнала, что после долгого перерыва она снова в положении. Родители Фирочки были оптимистами. Они обрадовались неожиданной беременности. Их любовь выстояла и в богатстве, и в бедности, и при царском режиме, и при режиме большевиков. И спустя положенный срок, в самом конце мая, у них родилась младшая дочь, Катюша.

Девочка была слабенькая, тихая, и ей требовалось непрерывное внимание. Старшие дети уже покинули родительский дом. Соломон жил на Урале с женой Розой, и у них родилась дочь Людмила, Люся, или Буся, как она себя называла. Рита вышла замуж за Павла, и у них тоже родилась дочь – Лиля, так что и она жила своей жизнью. Двадцатилетний бунтарь Левушка уехал в Москву искать приключений и там работал на заводе. С родителями остались только одиннадцатилетняя Фирочка и новорожденная Катюша. Катюша была таким слабым младенцем, что вся душа Фирочки отозвалась на ее безмолвную мольбу о помощи. Так вошла в жизнь Фирочки ее младшая сестра Катюша, ее душевная подруга на всю свою короткую жизнь. Так родители Фирочки, которые уже были молодыми дедушкой и бабушкой двух внуков, стали родителями новорожденной дочки. Если бы власти в этот самый момент не сообразили пригласить специалистов «из бывших» на настоящую работу, не выжить бы им всем четверым ни за что.

Но рождение Катюши ознаменовало начало счастливого периода в их жизни – «военный коммунизм» сменился «новой экономической политикой», нэпом. Правительство было вынуждено пригласить специалистов «из бывших» – как раз таких, как Фирочкин папа, уже не на разгрузку вагонов, а на развитие промышленности, развитие свободного рынка. Ведь новая власть еще не успела воспитать людей подобной квалификации, хотя остро нуждалась в их знаниях. Так или иначе, но года на два жизнь улыбнулась этому семейству, и его глава начал трудиться на благо страны.

Однако относительно обеспеченное существование семьи быстро закончилось. Не прошло и двух лет, как начались судебные процессы против «бывших», папу Фирочки и Катюши уволили с хорошей работы. На этот раз окончательно.

* * *

Фирочка мало помнила о периоде материального благополучия семьи и рано познакомилась с бедностью. Она видела усилия родителей дать детям образование «как прежде». Несмотря на материальные трудности, родителям и в голову не приходило продать рояль или скрипку. При своих скромных средствах они пытались развивать способности детей. Фирочка была очень талантливой девочкой: она хорошо рисовала, пела, играла на рояле, легко осваивала языки, писала стихи. Ее мама, Ольга Вульфова, была основным источником ее разносто-

роннего образования. Она всегда была рядом с дочерью и заботилась о ее духовном развитии точно так же, как в недалеком прошлом заботилась о своих старших детях – Соломоне, Леве, Риточке и Арончике.

Когда Фирочка подросла, родители вместе выбирали самую хорошую еврейскую гимназию в Петербурге для своей дочери. Эта гимназия просуществовала до тех пор, пока не запретили все еврейские гимназии в стране. Там она изучала точные науки с такими же рвением и легкостью, как и гуманитарные. Но ни в коем случае она не была «синим чулком». Она была здоровой девочкой, энергичной и к тому же еще и хохотушкой. Когда ей было 14 лет, один из учителей гимназии посвятил ей стихотворение, возможно чуточку приторное, но написанное от чистого сердца:

«Глядя на вас, я по цветам тоскую,/ Мне нужно роз, нетронутых никем,/ И пышных астр, зовущих к поцелую, / И нежных хризантем./ И тем венком задумчиво украшу/ Ваш белый лоб и карие глаза,/ Чтоб не коснулись головки вашей./ Ни буря, ни гроза». /

Позднее, в беседах с Наташей, Фирочка слегка смущенно смеялась, но всегда любила цитировать это стихотворение... С точки зрения дочери, романтический учитель верно описал лицо своей ученицы, в особенности контраст между высоким белым лбом и карими глазами. Однако сама она никогда не считала себя красивой, а если ей делали комплименты, она со смехом цитировала свою любимую Раневскую: «Я никогда не была красива, но я всегда была чертовски мила».

* * *

Случайные заработки, забота о родных – все это влияло здоровье их отца. Фирочка рассказывала, как они ставили для своего папы тазы с теплой водой, делали ему ножные ванны и тем самым помогали ему справиться с частыми приступами «грудной жабы» (стенокардии). В 1932 году он умер от продолжительной болезни сердца в возрасте всего лишь шестидесяти трех лет. Отец оставил семью в состоянии нищеты, и не по своей вине. Он был похоронен рядом с Арончиком в бедной половине еврейского кладбища.

Наташин дедушка родился в образованной и успешной семье, а умер практически неизлечимым. Он на себе испытал расцвет столичной еврейской культуры и ее закат. К счастью для него, ему не дано было увидеть ее полного уничтожения.

* * *

Поэтому, когда Катюша вышла из возраста младенчества и начала запоминать события, ничего, кроме страха перед властью или ужасов бедности, ей не припоминалось. У нее не было ни малейшего представления о прошлом семьи, и рассказы угасающей матери были для нее полным откровением. Но и старшая Катюшина сестра, Фирочка, мало помнила о былом благополучии, поэтому обе они жадно слушали рассказы матери, которая все чаще останавливалась, кашляла, пила воду и задыхалась.

* * *

В один пасмурный весенний день закончились рассказы матери, которая держалась до самого конца без жалоб. Сестры осиротели. Они надеялись сохранить мать в живых до лета, а там чудодейственная природа могла помочь им в их усилиях. Но и так их героизма хватило до поздней весны. Ведь стариков в городе, по страшной статистике Гранина и Адамовича, к этому времени уже не осталось. А их мама умерла 18 апреля 1942 года. Тысячи людей умирали от

голода и болезней в ту пору в Ленинграде. В большинстве своем их хоронили в братской могиле безо всякой записи, потому что у их обессиленных от голода родных не было сил похоронить своих любимых.

Когда умерла мать, Фирочка собрала все свои силы, чтобы оказать ей последние почести. Вот что написала сама Фирочка для своей внучки несколько десятилетий спустя об этом дне: «Изнуренная голодом, холодом и обстрелами женщина ходила по Гатчинской улице и останавливала каждого мужчину, обращаясь с просьбой: «Помогите сколотить гроб» – это последнее желание моей матери, которая хотела быть похороненной рядом с отцом, но не надеялась, что в блокадное время это будет возможно. Никто из тех, к которым я обращалась, не высмеял, не выругал меня, и только отвечали: «нет сил», «не можем». А я все обращалась и просила. Неужели это была я? И все же нашелся один человек, который согласился за хлебные карточки это сделать».

Но это было не единственное, чего она добилась тогда. Сестры установили гроб на все те же незаменимые саночки, Катюша осталась дома с Илюшей, а Фирочка повезла мать в последний путь на еврейское кладбище на проспект Александровской Фермы – расстояние, которое сейчас при современных видах транспорта, включая метро, занимает минимум часа полтора времени. Она знала, что за несколько дней до этого, 15 апреля, после четырехмесячного перерыва, первый трамвай прошел по Большому проспекту. Но было запрещено заносить в трамвай покойника. «К счастью» для Фирочки, весна в 1942 году наступила позднее обычного. Та первая блокадная зима была по-особому холодной и длинной. Даже в марте мороз достигал 20 градусов. И в апреле все еще лежал снег, и это «помогло» ей тащить саночки на кладбище.

Сколько времени она шла? Этого не знает никто. Известно лишь, что в тот день она была голодна больше обычного, потому что она отдала свою и Катюшину пайку хлеба могильщику за то, чтобы он похоронил их маму рядом с могилой отца, который умер за десять лет до этого.

Благодаря дочерям, их родители соединились вновь, на этот раз навечно. Свидетельство о смерти матери и свидетельство о ее захоронении Фирочка хранила среди самых важных документов. При жизни Фирочки Наташа никогда не видела их.

Когда Фирочки не стало, Наташа нашла их в маленькой сумочке в укромном месте в ее шкафу. Лишь немногие в Ленинграде получили подобные документы в Ленинграде 1942 года. Видимо, способность преодолевать трудности и слабости характера Фирочка научилась во время блокады Ленинграда.

* * *

Но и за многие годы до войны, когда Фирочка только подрастала, она, по образцу своих родителей, всегда готова была помочь людям или, как говорится, «взвалить ношу на себя». Когда их папа умер, их маме, Ольге Вульфовой, было 53 года. Все годы своего замужества она, по современным понятиям, была домохозяйкой. Она рожала, растила и воспитывала детей и была преданной женой своему мужу. До революции в доме были кухарка, горничная и гувернантка, но первоначальным образованием детей всегда занималась она сама. Она была образованной женщиной, знала языки и музыку, но у нее не было ходкой, легко применимой в условиях террора профессии, которая дала бы ей возможность начать жизнь сначала после смерти мужа. Она была женой человека «из бывших», и это создавало ей дурную репутацию.

У нее на руках была 10-летняя дочка Катюша, девочка талантливая, как и все ее дети, но слабенькая, потому что родилась она в период голода, и периоды эти постоянно возвращались, и потому состояние девочки не улучшалось. Максимум, что могла предпринять мать, в дополнение к исполнению домашних обязанностей и уходу за младшей дочерью, это давать частные уроки музыки и иностранных языков детям относительно богатых людей. Только где их было

взять в то время? Да и признанных дипломов у нее не было. Ведь в университет она так и не успела поступить. Поэтому она получала гроши.

Оценив сложное материальное положение их уменьшившейся семьи, Фирочка приняла решение содержать маму и сестру. Фактически она уже работала несколько лет. Она начала свой трудовой путь, когда еще училась в старших классах гимназии. В четырнадцатилетнем возрасте она сама пришла в отдел народного образования и попросила, чтобы ее направили на работу среди взрослого населения. И не побоялась работать в тюрьме и обучать заключенных скорняков чтению и письму – тогда это называлось ликвидацией безграмотности, или ликбезом. Но это была добровольческая работа, и она почти не получала за это денег, возможно лишь символическое вознаграждение. Однако Фирочка работала там с большим рвением и удовольствием и впоследствии рассказывала дочери немало интересных эпизодов о своей работе в скорняжной мастерской при тюрьме, о своем первом опыте на трудовом поприще.

В 1927 году Фирочка окончила школу и поступила в химический техникум, в котором училась три года. После этого она поступила на работу в институт Охраны Труда, чтобы «заработать» стаж для поступления в Университет. Тяжело было поступить в университет девушке из семьи «эксплуататоров», несмотря на все ее отличные оценки. Абсолютное предпочтение отдавалось выходцам из рабочих и бедных крестьянских семей. Человеку из трудовых слоев населения легче было получить высшее образование. Но Фирочка начала работать всерьез не только ради того, чтобы накопить стаж – она хотела помогать часто болеющему отцу.

Когда отец умер, ее зарплата стала принципиально важна для семьи, она стала практически единственным источником их дохода. Братья, давно покинувшие дом, приехали на похороны отца. Соломончик, как старший сын, прочитал на могиле кадиш (поминальную молитву), отсидел с матерью и сестрами семь дней траура и уехал обратно на Урал к жене и дочери. Второй брат, Левушка, приехал из Москвы. Из юноши-бунтаря он превратился в мужчину-бунтаря. За несколько лет до этого он начал работать в Москве на заводе и одновременно учиться в институте.

Одаренный юноша, он не только отлично учился, но и быстро освоил рабочую профессию и начал выполнять по несколько сменных норм. Заводское начальство хотело наградить его, повысить его зарплату. Но неожиданно оно изменило свое решение, увеличило сменную норму для всех и понизило зарплату тем рабочим, которые не могли выполнить прежнюю норму. На следующем комсомольском собрании Левушка попросил слова и рассказал товарищам о несправедливом решении начальства. Президиум собрания попытался заставить его замолчать, но бесстрашный Наташин дядя, разбушевавшись, бросил свой стул в сторону сцены. Хорошо, что он промахнулся. Но с точки зрения начальства то, что он совершил, было верхом дерзости, а возможно, даже политическим вредительством, поэтому он оказался в ссылке. Произошло это буквально вслед за смертью отца, поэтому рассчитывать на помощь сыновей Ольга Вульфовна не могла.

Риточка была полностью погружена в свою семейную жизнь. Теперь она уже была счастливой матерью троих детей: к ее старшей дочери Лиле прибавились сыновья-близнецы Валентин (Вульф) и Наум (Нахум, Нема), так что средств на помощь матери и сестрам у нее, по видимому, тоже не было. Так Фирочка стала единственным кормильцем маленькой семьи. Она делала это с радостью, из внутренней потребности, потому что по своему характеру всегда любила помогать кому-нибудь, и делиться с ним всем, что у нее было.

Когда Фирочка набрала двухгодичный рабочий стаж в институте Охраны Труда, ей было трудно решить, какую профессию выбрать, ведь она была одарена в разных областях. И тогда одновременно она поступила на три факультета: медицинский, химический и литературный. «Я хотела проверить, что мне нравится больше всего, потому что все меня интересовало», – рассказывала она дочери. – «Но из медицины я сбежала, потому что испугалась практики в «анатомичке» – операций на трупах. Пришлось бросить и мою любимую литературу из-за стро-

жайшей цензуры. Ведь что можно было тогда писать? Только восхвалять режим. Поэтому я выбрала физическую химию и полюбила ее на всю жизнь». Однако из-за трудного материального положения семьи она вынуждена была учиться на вечернем отделении химического факультета, а в дневное время продолжать работать. Потому и не удалось ей посвятить весь свой талант и все свое время одной только учебе. Как и ее дочери, много лет спустя, только совсем по другой причине.

Если проследить годы работы Фирочки в институте Охраны Труда, то можно заметить ее довольно быстрое продвижение по «карьерной лестнице», если это выражение применимо к статусу студентки. Она начала работать там сразу после окончания Химического техникума в 1930 году в должности техника-химика. Спустя два года, после поступления в Технологический институт, ее повысили до должности старшего лаборанта. За отличную работу и творческое участие в научных опытах ее неоднократно премировали бонами на покупку учебной литературы и значительными денежными премиями, и однажды даже дополнительным двухнедельным отпуском. А в феврале 1937 года студентка-вечерница была переведена на должность младшего научного сотрудника! В рекомендации, представленной Ученому Совету, ее руководитель писал среди прочего: «Поскольку все ее изобретения осуществлены в промышленных условиях на высоком научном уровне, кафедра присуждает товарищу Эсфири Ильичне должность младшего научного сотрудника, несмотря на факт, что у нее пока нет полного высшего образования».

Продвижение Фирочки по работе не было формальным, оно отражало ее реальные достижения в науке. Уже в первые годы работы у нее было несколько патентов. Она разработала новые методы обнаружения поглощения металлов организмом человека. Удалось ей обнаружить и способы определения ядовитости газов в воздухе, и уровень содержания ядов в растениях. Начальство Института Охраны Труда не оставило эти достижения незамеченными и порекомендовало свою молодую сотрудницу проводить практикумы по промышленной химии для врачей факультета повышения квалификации. С момента назначения Фирочки на должность научного сотрудника она проводила самостоятельную научную работу и опубликовала семнадцать статей еще в студенческие годы. Ее исследования, как и многих других ученых ее поколения, были прерваны войной. И только весной 1945 года значительно повзрослевшая после блокадных испытаний женщина смогла завершить высшее образование и стать, наконец, дипломированным специалистом.

Зарплаты Фирочки с трудом хватало на нужды маленькой семьи, поэтому скромность Фирочки в одежде граничила с бедностью, а питалась она в течение дня самой дешевой колбасой «собачья радость» с хлебом. Об этом она рассказывала своим детям с юмором и сама первая смеялась. «Они-то с Катюшей думали, что днем на работе, и после работы в институте я питаюсь «разносолами». А я приходила домой поздно вечером голодная как волк, ела все, что мамочка давала, и ложилась спать. Молодость меня выручала. Я была тогда здоровая как камушек».

Возможно, Фирочке было нелегко отказаться от нового платья или от вкусной еды, но Наташа никогда не подозревала о подобных желаниях своей мамы. В ее глазах, мать была человеком скромным, особенно в ее материальных запросах, и такой она и осталась до конца своей жизни. Точно так же она воспитывала дочь: «Молодость украшает тебя, а не одежда. Картина украшает раму, а не рама картину».

Но были для Фирочки такие значительные вещи в жизни, от которых даже она никак не могла отказаться – это от еженедельного похода в театр оперы и балета имени Кирова (или в Маринку, как было принято запросто называть этот великолепный театр). Она покупала туда самый дешевый билет, на самый высокий балкон – в «раек», и наслаждалась музыкой, головами, или балетом. Ну и понятно, что она позволяла себе покупать самые лучшие и дорогие учебники по химии. Но это было уже максимумом того «шика», который она могла себе поз-

волить. Основным приоритетом в шкале ее ценностей были здоровье и потребности ее мамы. Ну и, конечно, ее младшей болезненной сестры Катюши.

Катюшина физическая слабость не мешала ей быть отличницей в школе. Она изучала языки и музыку под руководством своей мамы, и обе получали от этого огромное удовольствие. У девочки было явное дарование в области искусства. Катюша хорошо пела, у нее было высокое чистое сопрано, очень приятное для слуха. Старый рояль, переживший все испытания, выпавшие на долю этой некогда большой и неразлучной семьи, сейчас служил источником радости для них троих. Все в Катюше было мило: и миниатюрная фигурка, и грациозные движения, и доброжелательный, и в то же время задорный характер, и ее чувство юмора. Она не была особенно красива, но у нее были огромные карие «семейные» глаза и чудесные пышные волнистые волосы, как у ее мамы. Только одно тревожило мать и сестру: Катюша была очень худенькой и бледной, и взгляд у нее был серьезный не по возрасту. Поэтому мать и сестра всегда старались порадовать ее и развеселить девочку.

Однажды Фирочку вместе с большой группой молодых специалистов отправили в командировку от института Охраны Труда. Цель командировки была проверить уровень воздействия химических веществ на здоровье рабочих на Волжских предприятиях, от Волгограда до Астрахани. В памяти Фирочки сохранились два эпизода из этой поездки. Первый – все время поездки она страдала от сильного голода, потому что ее коллеги питались только хлебом с копченым салом, которое взяли из дома – ведь все они были бедны, как и она. А в это время Фирочка, с детства привыкшая к соблюдению кашрута, ела один хлеб. Товарищи уговаривали ее: «Фирочка, ну съешь хоть немного! Ты же умрешь от голода». Но она была тверда и не соблазнялась.

Второй эпизод той поездки был связан с матерью и Катюшей. Почти на все деньги, какие у нее были с собой, Фирочка купила персики, чтобы удивить и порадовать маму и сестру. Персики были редким и дорогим фруктом в Ленинграде. Даже когда росли дети самой Фирочки, Илюша и Наташа, в 50-е и 60-е годы, продавцы с Кавказа привозили персики и продавали их на рынках по высоким ценам. Хорошо, если детям удавалось попробовать персики раз в сезон. Но тогда, в 30-е годы, персики были поистине экзотикой. Всю дорогу домой в поезде Фирочка проверяла чудесные плоды, переворачивала их с одного бочка на другой, чтобы они не подгнили. И что за радость была, когда она благополучно привезла их домой! Катюша так радовалась, что ее щеки слегка зарумянились, глаза были полны благодарности. Их мама даже чуточку всплакнула от избытка волнения: «Фирочка, ты сделала это только для нас и совсем не думала о себе. Посмотри, как ты похудела! Наверное, все деньги потратила на персики. Добрая ты душа!»

Добрая душа, хорошая дочь, хорошая сестра, а потом хорошая жена и хорошая мама – в этом и была ее суть.

* * *

После смерти матери в апреле 1942 года, сестры собирались отправиться в эвакуацию к Риточке в Сибирь. Но тут весна вступила в свои права полным ходом, и «дорога жизни» прекратила свою работу, потому что на спасительном Ладожском озере начался ледоход. Поэтому им пришлось остаться в осажденном городе до следующей зимы. Это было убийственно и для них, и прежде всего для ребенка. Илюше в том же апреле 1942 года, за несколько дней до смерти бабушки Ольги, исполнилось два года. Он был совершенно истощен. Несмотря на все усилия взрослых, Илюша чах день ото дня – и от голода, и от отсутствия света, и от отсутствия движения. Из-за постоянной опасности обстрелов у них не было возможности пойти с ребенком погулять и дать ему подвигаться за пределами тесной комнаты. Бутылочка молока, которую Фирочка с трудом выпросила для него на молочной кухне и получала ежедневно, спасла

его от неминуемой смерти. Там, на кухне, она видела не раз страшные картины: женщина пила молоко из бутылочки, а рядом в коляске плакал младенец. Такое тоже случалось во времена голода.

Но Фирочка и Катюша ограничивали себя во всем, чтобы сохранить жизнь ребенка. Фирочка ела так мало, что приходя домой, теряла сознание от голода и падала замертво. Крошечный кусочек хлеба, который мать пока была жива, а после смерти матери, Катюша, про-талкивали ей в рот, возвращал ей жизнь не один раз.

В умирающем городе сестры учили ребенка правилам гигиены. Они с гордостью цитировали его утренние высказывания: «Мыться, бриться, причесываться», – он говорил это по-детски, не произнося все звуки. Потом он робко добавлял: «И к столу, к столу» и еще: «Пожалуйста». Понятно, что ему давался самый лучший кусочек, который только был в доме, даже самый маленький. И все же состояние его ухудшалось. Несмотря на это, взрослые учили Илюшу декламировать стихи и слушать классическую музыку (они сохранили патефон и пластинки и в период блокады). Это была семейная традиция, которую передали им родители, и сейчас истощенные обессиленные сестры пытались передать эту традицию косоглазому крошечному мальчику, который уже не мог стоять на ножках.

Катюша вела дневничок. На самом деле, это не дневник и не тетрадь. Сохранились лишь отдельные листки, бумага пожелтела, края ее обтрепались.

Март 1942. *Илюшеньке скоро два года. 5 февраля сказал: «Теть Катюша, поди сюда». Говорит фразами: «Илюша холосый мальчик», «Пононой ночи», «Мамуля, дай кадас (карандаш) писать письмо», «Надо дать бабуле валелянку». Восхитительный мальчик. Он говорит: «Надо мыться, бриться, причесываться». Он зовет меня: «Катя, Катечка, Катюшечка. «Какая пеканая (прекрасная) музыка. Пости, милля!» Питание пониженное. Чудный, спокойный ребенок. Очень ослабел. В основном сидит или лежит». Дальше не разобрать.*

Через месяц после смерти матери, в той же тетради появляется запись Фирочки: «Илюшеньке исполнились два годика и месяц. Он давно уже говорит целыми фразами. Например, на днях сказал: «Зеленая тизеля (тяжелая) масина стшит коло дома», «не понимаю, де нася тетя Катюся», «какое событя» (событие)... и многое другое. Но походка у него неустойчивая и ножки ослабели. При этом он веселенький и бодрый».

10.06.42. *Илюшенька совсем не ходит. Цинга. Даю ему аскорбиновую кислоту.*

12.06.42. *Он говорит: «Не бойся, мамуля, это машина шумит – не обстрел. Я с тобой». И хохочет. «Ребята, пойдете-ка гулять». Стихи: «Здравствуй, май дорогой, ждем тебя давно, золотые пчелы к нам летят в окно» (кажется, так, но разобрать написанное трудно – Фирочка писала карандашом, бумага выцвела, края листа оборваны). Просили повторить, но он говорит: «Илюшка прямо шалун (пама силун) – «фатит, устала».*

20.06.42. *Илюша задумчиво говорит: «на люлице дождик. Гулять незя. Илюша будет дома». И все это протяжно, задумчиво. А стихи он декламирует полные радости. Совершенно не связанные с войной.*

Маленький ребенок, который хочет есть, просит еду у взрослых или плачет. Но Илюша не просил ни о чем. Он сидел в своей кроватке, тихий и сосредоточенный и терпеливо ждал, когда ему дадут поесть. Когда Фирочка выносила его на улицу, чтобы он увидел солнечный свет, он не видел там ни кошек, ни собак, ни птичек, потому что уже в декабре 1941 года съели всех животных, и в городе царили либо мрачная тишина, либо шум взрывов. У ребенка не было никакого представления ни о лае собак, ни о мяуканье кошек, ни о пении птиц. Образ большого слона, однако, все еще витал в его воображении. Благодаря рассказам взрослых, он стал большим теоретиком, но жизнь его была бедна впечатлениями. Но и в этих условиях он любил прогулки и плакал, когда шел дождь. Ну а взрослые радовались, когда погода была неподходя-

щей для проведения воздушных обстрелов. Несмотря на все усилия взрослых, ребенок продолжал худеть и хиреть.

Спас его профессор Тур, детский врач, специалист по детским болезням. Летом 1942 года он продолжал принимать больных, но только дома, потому что у него самого уже не было сил ходить в больницу. «Перед визитом к профессору мы с Катюшей долго размышляли и, наконец, решились – делать нечего, ребенка надо спасать, продадим-ка мы папочкину скрипку, последнюю ценность и память о наших родителях, которая осталась в доме. Хорошо, что пришел Санечка, принес деньги с завода – зарплату и помощь друзей, и нам удалось сохранить свою реликвию в семье».

Профессор жил на Большом проспекте Петроградской стороны. Он внимательно осмотрел Илюшины ножки и выписал рецепт на аскорбиновую кислоту, которую тогда было не достать ни в одной аптеке. «Ты ведь знаешь, доченька, что я человек старой закалки, я привыкла оплачивать труд. Я положила ему на стол конверт с деньгами, поблагодарила его от всей души и вышла на лестницу с ребенком на руках. Мы были уже на первом этаже, когда он догнал нас, буквально втиснул мне в руку свой гонорар обратно, так как я ни за что не соглашалась его брать, и сказал: «Мы сейчас смотрим смерти в глаза – возьмите деньги. Достаньте лучше аскорбиновую кислоту, она спасет вашего ребенка». Я стояла и молча смотрела на него, понимала, что денег он не возьмет. Слезы сами катились у меня из глаз. Он был очень истощен. Он начал медленно-медленно подниматься по лестнице, часто останавливался, чтобы отдышаться. Он был светилом науки и благородной личностью. А голодал так же, как мы».

И действительно, из Петроградского Райкома Партии его рецепт направили в больницу Филатова, мне выдали чудодейственную тогда аскорбиновую кислоту, и ребенок начал поправляться».

Но что сохранило жизнь самой Фирочки? Ведь все, что было у нее, она отдавала сыну и младшей сестре, а до этого еще и матери.

Ей помогали сила воли, самодисциплина и строгий режим дня. Это выражалось в раннем вставании по утрам, умывании ледяной водой, растапливании печки, стоянии в очереди за хлебом. И так – каждый день в течение долгих часов, несколько походов с ведром на Неву за водой, ежедневная необходимость принести ребенку бутылочку из молочной кухни, дежурство на крыше несколько ночей в неделю... И главное – не сломаться, не ослабеть. Те, кто позволяли себе расслабиться, очень быстро умирали. И каждый день обстрелы, налеты, и болезнь сердца все сильнее и сильнее давала о себе знать. Много раз она была близка к смерти. Она преодолела все. И человек, который жил в ней, победил.

После смерти матери ей осталось сделать последнее усилие – эвакуировать из Ленинграда ребенка и младшую сестру. Ее муж должен был оставаться в осажденном городе на заводе и выполнять свою трудную работу по обеспечению фронта до конца войны, до победы. В одну из ночей зимы 1942-43 годов сестры посадили ребенка на все те же саночки и отправились к Финляндскому вокзалу, чтобы сесть в поезд, довозящий блокадников до «Дороги Жизни» – до Ладожского озера.

Сегодня проспект, ведущий к Ладожскому озеру, покрыт асфальтом. Вместо обычных верстовых столбов там стоят столбы с надписью «Дорога Жизни». Рядом с проспектом выросла березовая роща из 900 берез – по числу дней блокады. Во дворе музея «Дорога жизни» стоят транспортные средства: два грузовичка и автобус. Они выглядят маломощными и устарелыми. Но как раз такие машинки и вывезли из осажденного Ленинграда более полумиллиона жителей по заледенелой глади озера. На этой дороге была спасена и семья Наташи.

Вторая глава. Саня

Муж Фирочки Саня остался в Ленинграде до конца войны. Он работал тяжело, без перерывов, на ночь оставался на заводе, спал в своем кабинете, а рабочие – в основном женщины и подростки – спали прямо у станков. Только иногда он мог позволить себе короткий перерыв и приехать на трамвае в опустевший дом, посмотреть, не разрушили ли его обстрелы, заплатить за квартиру и хотя бы немного отдохнуть от военного режима завода. Очень редко он получал письма из Сибири, из отдаленной деревни под городом Омском.

Письма Фирочки были редкими не потому, что она редко писала ему. Она писала несколько раз в неделю. Она любила эпистолярный жанр и не случайно в юности поступала на литературный факультет. Она умела писать замечательные письма, просто не все они доходили до адресата, и многие терялись по дороге. Он знал лишь, что семья его жива, что все три сестры: Риточка, Фирочка и Катюша встретились под Омском и вместе с Лилей работают в колхозе. Илюша снова встал на ножки, хорошо ходит и даже бегаёт, а Риточкины близнецы ухаживают за ним, когда взрослые находятся на работе.

Письма Фирочки к Сане из эвакуации были полны любви и нежности, которые она не стеснялась выразить в письменной форме: «Нас разделяет расстояние, но тем радостнее и ослепительнее будет наша встреча».

В глазах Сани их с Фирочкой любовь была чудом. Когда они встретились впервые в 1936 году, он был уверен, что эта девушка, такая красивая, деликатная и образованная, не обратит на него никакого внимания. Ведь кем он был? Сыном потомственного кузнеца, который родился в провинции и приехал в большой город, чтобы учиться, работать и строить новую жизнь. А она родилась в Санкт-Петербурге, тогдашней столице Российской Империи, и была «из благородных».

Родители Илюши и Наташи часто говорили, что если Октябрьская Социалистическая революция сделала что-то по-настоящему хорошее, так это то, что она создала благоприятные условия для их встречи и сближения. Она разрушила все сословные границы, а эти двое принадлежали к совершенно разным слоям населения.

Конечно, оба они неверно называли причину своей счастливой встречи. Ведь тогда, в 1917 году, Сане было лишь 8 лет, а Фирочке 6, и эти дети не знали, благодаря какой именно революции они встретятся, спустя почти 20 лет – Февральской Буржуазной или Октябрьской Социалистической. Тем более что детали первой революции хранились от народа в строжайшей тайне. Ведь ни в одном учебнике не упоминалось, что именно буржуазное Временное Правительство отменило ограничения в правах народов России, включая и еврейскую Черту Оседлости, в границах которой родился Саня. А посему Саня и Фирочка единодушно утверждали, что в Декларации народов России, изданной большевиками, месяц спустя после революции, был пункт особенно важный именно для евреев: признание равенства всех народов и религий. Этот пункт позволил молодежи из окраин страны переехать в большие города. Для этих молодых было не особенно важно, благодаря какой именно революции они стали жить свободно, а когда они поняли, что за «свободу» они получили, новый режим укрепился настолько, что стал непобедим.

В момент их встречи в 1936 году Фирочка была уже взрослой девушкой 25 лет и по-прежнему жила с матерью и Катюшей на улице Марата, совсем близко от центра города. Она училась на вечернем отделении Технологического института и работала, как и прежде, в институте Охраны Труда, поэтому у нее не было времени на романтику. Возможно, что эти двое так никогда бы и не встретились, и никакие социальные потрясения не поспособствовали бы их встрече, если бы не Фирочкин старший брат Левушка.

За год до этой легендарной встречи Левушка вернулся из Москвы домой. Он сразу увидел, как трудно живется его младшей сестре, и начал помогать матери и сестрам. По чистой случайности, он устроился на работу на тот же завод, на котором работал и Саня. Они встретились в одном цеху, когда Саня быстро и толково объяснял Левушке специфику его новых обязанностей. Вскоре они подружились и стали проводить свободные вечера вместе. Выяснилось, что Саня не женат, хотя и мечтает о семье. Тогда его старший друг увлекся идеей сватовства, хотя сам уже «обжегся» от одного быстротечного брака с легкомысленной московской красавицей Дорой.

В качестве жениха для Фирочки Саня очень нравился Леве. Он оказался верным другом, хорошим братом – он оплачивал учебу своего младшего брата Ромика в институте, чтобы тому не приходилось так же трудно учиться и работать, как было ему самому в первые годы жизни в Ленинграде. Он был еще и хорошим сыном – он ежемесячно посылал деньги в Белоруссию, помогая родителям содержать младших сестер. Левушка сразу увидел, что эти двое – Фирочка и Саня – подходили друг другу в чем-то самом главном, на них обоих можно было положиться. Испросив разрешения у обеих сторон, Левушка пригласил Саню в гости на улицу Марата.

Саня пришел к ним с двумя букетами цветов – один для Фирочки, другой для Ольги Вульфовой, ее мамы, и с плиткой хорошего шоколада для Катюши. Все его приношения были приняты с искренней благодарностью. Саня внимательно посмотрел на Фирочку. От Левушки он знал, что Фирочка работает и учится, и свободным временем не располагает. Как же пробить эту «броню»? Все в ее внешности располагало к романтике: глаза глубокие, карие, огромные, статное налитое тело. При этом его поразили ее красивая, правильная речь, ее умение вести себя сдержанно и с достоинством. Да, это девушка не для легких встреч. Такую девушку можно полюбить на всю жизнь. И он влюбился в нее без памяти сразу и навсегда.

Очевидно, что и она не осталась к нему равнодушна. «Санечка был очень красив», – рассказывала мама Наташе много лет спустя. У него были замечательные волнистые каштановые волосы. Наташа помнит, как папа каждое утро аккуратно расчесывал их, смачивая расческу под струей воды из-под крана, и укладывал красивыми волнами до самой старости. Особенно красивы были его глаза – большие, голубые, задумчивые, вдохновенные...

Они начали встречаться, нечасто, как диктовал это график Фирочки. Им было хорошо и интересно вместе, несмотря на различия их происхождения и профессий. Дело в том, что Саня приехал в Ленинград из Белорусской провинции совершеннейшим юнцом. Однако годы работы на заводе и учеба в институте сделали его серьезным и целеустремленным человеком. Собираение богатейшей домашней библиотеки и чтение мировой литературы, посещение ленинградских театров и музеев, общение с интересными людьми – тоже сделали свое дело. Поскольку Саня был человеком одаренным, он прошел процесс глубоких внутренних изменений довольно быстро. Красивый, влюбленный, образованный, успешный – Саня был подходящим женихом для Фирочки.

Единственное существенное различие между супругами было обычным, как и в любом другом браке – в их характерах: Саня был человеком прямым, даже немного импульсивным, открытым, а Фирочка была более сдержанной, больше считалась с общественными условиями и лучше владела своими эмоциями.

Он понравился Фирочкиной маме с первого взгляда. Это было важно для Фирочки, потому что она считалась с мнением своей мамы. Саниным родителям тоже пришлось по вкусу образованная и приветливая девушка из Ленинграда. Поэтому не было никаких препятствий для их брака. Они поженились в мае 1939 года и некоторое время спустя поехали проводить медовый месяц на побережье Черного моря в город Гагра.

Хозяйка квартиры согласилась готовить для них еду, и они загорали на побережье, купались в спокойном море и ели фрукты. Саня был замечательным пловцом, а Фирочка была трусихой и плескалась в мелкой водичке недалеко от берега. Это наслаждение продолжалось около

двух недель. Потом у Фирочки начались головокружения и обмороки, и в течение нескольких дней она не могла выходить из дома. «Когда я пыталась поднять голову от подушки, то сразу видела Санечку. Он стоял у стола, выдавливал сок из мандаринов и персиков и давал мне пить его из маленькой ложечки, потому что я не могла проглотить ничего твердого», – она вспоминала этот эпизод чуть-чуть смущенно, но всегда с огромным удовольствием.

Когда ее состояние улучшалось, они снова купались или путешествовали по побережью на пароходе в Адлер или Сочи. От поездки в Гагру остались две фотографии на память. На одной из них Фирочка стоит у пальмы, закинув руки вверх и прижав их к дереву. Она мечтательно смотрит вдаль и, чувствуется, что она переполнена счастьем. На второй фотографии Саня и Фирочка сидят на скамейке на берегу моря и смотрят вдаль. Он обнимает ее правой рукой, а она прижимается к нему. Они выглядят молодыми и счастливыми. Но можно угадать в них скрытую силу и готовность к серьезным поступкам. И судьба до конца исчерпает их готовность к испытаниям.

Когда они вернулись из поездки в Гагру и рассказали Фирочкиной маме о посещении известного зоопарка в Сочи, она шутливо поругала Саню: «Женщина в положении должна видеть только прекрасное, а не обезьян. Ребенок может родиться с хвостом!» Однако старший брат Наташи родился в свой срок, в апреле 1940 года, и, конечно, без хвоста. Его назвали Элияху – по-русски Илья, Илюша, в честь покойного дедушки.

Родился сын, а с ним родилась проблема – как сделать ему брит-милу (обрезание) в новых, советских, условиях?

Понятно, что в условиях полного запрета родители Илюши не могли соблюдать еврейские традиции. Единственное, что им удавалось соблюдать, был кашрут, хотя в коммунальной квартире с многочисленными соседями это было нелегко. Но Фирочка и Саня не были покорными гражданами своего государства, они не хотели лишиться сына всего из того, что заповедали им предки. В городе, в котором аресты уже стали массовыми, окруженные соседями, готовыми настроичить на них донос, они пригласили моэля (человека, совершающего обрезание), каким-то чудом созвали миньян, и в условиях абсолютной секретности сделали Илюше брит-милу.

Согласно книге М. Бейзера «Евреи в Петербурге» (Иерусалим 1990), по программе второй пятилетки 1932–1936 гг. вместе с «искоренением капитализма из сознания народа» ставилась задача искоренения и религии. К 1 мая 1937 года планировалось закрыть все моельные дома в СССР и уничтожить само понятие Б-га. Это было движение против всех религий. Движение по искоренению непосредственно иудаизма вступило в действие еще в середине 30-х годов. Были расстреляны все служки на еврейском Преображенском кладбище, был закрыт дом омовения покойников, все моельные дома в городе были закрыты, все домашние миньяны были разогнаны (миньян – для еврейской молитвы требуются 10 мужчин). Закрыли и последнюю микву – дом очищения и омовения еврейских религиозных женщин. В 1940 году в Ленинграде проживало 200 тысяч евреев, но в огромном городе нельзя было найти даже одного раввина, чтобы отпраздновать Рош Хашана (Новый Год) в большой хоральной синагоге. Иудаизм был полностью задушен.

Как им удалось в густонаселенной квартире найти отрезок времени, когда в квартире не было соседей? Как удалось Сане получить справку по болезни и не выйти в тот день на работу? Как десяти мужчинам удалось проскользнуть в квартиру в полуподвальном этаже их дома и не привлечь внимания на улице? У Наташи до сих пор нет ответов на эти вопросы. Процедура такая естественная в обычной стране превратилась для родителей Илюши почти в кидуш-хашем (гибель ради веры). Но Россия тех лет уже давно не была обычной страной. В Ленинграде, культурном центре Восточной Европы в середине XX века, Фирочка и Саня были словно «евреи в потемках», словно испанские «анусим» (изнасилованные) в Средние века, которые втайне соблюдали обряды предков в закрытом наглухо доме. И подобно им, они рисковали жизнью.

Брит-мила сына была предпоследним актом героизма, который совершила семья Сани и Фирочки, чтобы остаться евреями, хотя бы в потемках. Последний героический акт Фирочка совершила одна уже во время войны, в 1942 году, когда она похоронила мать по еврейскому обряду, хотя и в гробу, что у евреев не было принято. Когда родилась Наташа после войны, летом 1946 года, дом был лишен всяких признаков еврейской принадлежности – на двери не висела мезуза, в доме не было ни меноры, ни письменного или разговорного слова на иврите – ничего, что напоминало бы о национальной принадлежности семьи. Но и у их русских соседей не было икон, не было книги Нового Завета, они не соблюдали православные религиозные праздники. Все превратились в аморфную запуганную массу, лишенную своего характерного национального лица.

Несмотря на внешние бури, два предвоенных года были самыми счастливыми в семейной жизни Сани и Фирочки. Долго-долго они вспоминали их как нечто самое восхитительное из всего, что выпало на их долю. Была любовь, которая становилась крепче с каждым новым днем, родился чудесный здоровый ребенок. У них было материальное благополучие – талантливый Саня хорошо зарабатывал, ведь его назначили ведущим инженером на секретном заводе. По своей широте характера он щедро делился тем, что у него было, с родными из Негорелого и с родными Фирочки. И Фирочка, наконец, смогла оставить работу в институте Охраны труда и посвятить свое время учебе и уходу за Илюшей. Симпатичная старушка Мартьяна Осиповна помогала ей по хозяйству. Молодая пара очень любила проводить время со своим маленьким сыном. Илюша был прехорошеньким ребенком и радовал всех. Сохранились фотографии хохочущего Илюши с кулачком. На них восьмимесячный младенец, полный радости жизни, его карие огромные Фирочкины глаза сияют от счастья. Какая хорошая пора была для Сани, Фирочки и Илюши! И кто бы мог подумать, что одна ночь 22 июня 1941 года навсегда разрушит безмятежность этой молодой семьи?

* * *

Жена и сын были далеко от Сани. Он тосковал без них, и все время думал о них. Он непрерывно думал и о своей семье в Белоруссии. Он ничего не знал о том, что случилось с ними там, в Негорелом, небольшом городке, в котором он родился. Ведь с самого начала Великой Отечественной Войны, с конца июня 1941 года, прервалась всякая связь с родительским домом. Он посылал многочисленные запросы в правительственные учреждения, специально занимающиеся такими вопросами, но не получал ответов. Он знал, конечно, что Белоруссия была захвачена нацистами в первые дни войны, и боялся даже думать о судьбе своих родных. И все же жила в нем безумная надежда – а вдруг они успели бежать в более надежное место? Но он понимал, что это пустая надежда, потому что он хорошо знал своих родителей – упрямых бунтарей, которые ни за что не бросят свое гнездо и не побегут перед лицом опасности.

А Негорелое, и в самом деле, не было спокойным городком. Это был пограничный город между Белоруссией и Польшей. Жители Негорелого работали главным образом на железнодорожном вокзале: переводили поезда с широких, советских, рельсов на более узкие, польские, и – наоборот. В этом городке всегда стоял пограничный полк. Но Саня не сомневался, что, несмотря на наличие этого полка, хорошо вооруженный враг без труда вошел в город. А ведь там, в Негорелом, жили его родители – отец Шимон (Семен) и мама Нехама, его дедушка Эфраим (Ефрем), которому исполнилось 80 лет, там остались его младшие сестрички, едва достигшие подросткового возраста: Розочка 15 лет и Сонечка 13 лет. Его сердце рвалось на части, когда он думал о том, что с ними стало. Он продолжал работать все так же безукоризненно, как было свойственно ему всегда, но мысли его и чувства были отданы его жене и сыну в маленькой деревушке в Сибири под городом Омском и семье его родителей в белорусском городке Негорелое.

Он родился в этом городке в 1909 году в большой семье. Во главе семьи стояли бабушка и бабушка – Эфраим и Лея. У них было четверо детей, из них трое сыновей: Шимон (Семен) – старший сын, он же будущий дедушка Илюши и Наташи, Матвей (Мотка) и Зусь, и дочь Мирьям (Мэри). Семья была весьма состоятельная, так как у Эфраима была очень нужная в небольшом городке профессия – он был потомственный кузнец, и при этом кузнец великолепный – к нему съезжались с заказами со всех окрестных городков. Поэтому когда сыновья выросли и женились, а Мэри вышла замуж, отец помог построить новый дом каждой молодой паре.

Так образовалась улица семейства кузнецов: пять домов встали в ряд – дом самих Эфраима и Леи и дома их четверых детей. Можно сказать, что они своими собственными силами создали маленькую еврейскую общину. Эта община жила в радости и мире с соседями. Около каждого дома был небольшой участок земли, свой огород и даже фруктовый сад. У каждой семьи была корова, коза, куры, а у Шимона даже была лошадь. Спокойная жизнь закончилась с приходом революции, когда Сане исполнилось 8 лет.

После отчуждения собственности, семья осталась без земли и без скота. Но это показалось местной власти недостаточным, и она конфисковала у молодых семей дома под склад, дом культуры и другие нужды, а семьи всех четверых детей Эфраима и Леи «подселила» к родителям. То есть и здесь, в маленьком городе, власть совершила «уплотнение», похожее на то, которое произвели революционные власти в Петрограде на улице Марата, в квартире родителей Фирочки и многих тысяч других несчастных. Делать было нечего, и все поселились в старом доме бабушки и бабушки, который стал очень тесен для большой, постоянно растущей семьи. Ведь все три невестки и дочь находились в самом цветущем возрасте и постоянно были либо беременны, либо рожали на радость своих родных.

Из имущества у них осталась только кузница. Эфраим и его старший сын Шимон начали обслуживать кузнечными работами ближайшие колхозы. Двое других сыновей Эфраима, Зусь и Матвей, и муж Мэри – Герц, продолжали работать на железной дороге, а женщинам пришлось пойти работать в колхоз. Работа в колхозе была тяжелой для бабушки Леи, трудолюбивой женщины, привыкшей к многолетней работе по дому. Но в колхозе она надорвалась и через год умерла в возрасте всего 55 лет. Дети очень любили мать и долго скорбели по ней. Когда в каждой из четырех семей рождалась девочка, ее называли Лея – в честь бабушки. Таким образом, теперь уже в одном доме, подрастали четыре Леи, или Люси, как их все называли. Илюша и Наташа знали двоих из них – тетю Люсю из Москвы, младшую сестру своего папы, и тетю Люсю из Риги, папину двоюродную сестру, дочь Мэри.

Жители Негорелого относились к еврейской семье дружелюбно и с уважением из-за редкой и нужной профессии Эфраима. Эфраим был высокий, сильный и выполнял необходимые кузнечные работы для всего пограничного района. Но внуки помнили его уже стариком с длинной седой бородой. Уже не Шимон помогал ему в кузнице, а он Шимону, который, как старший сын и самый способный к этому трудному ремеслу, унаследовал у отца кузницу. Большую часть времени Эфраим теперь сидел закутанный в талит (специальное покрывало для мужской молитвы) и читал Библию. Шимон, как и его братья и сестра, тоже был религиозным, но их дети, хотя и знали традицию, уже отошли от религии.

Чисто внешне Шимон пошел в свою маму Лею: он был блондинистый, кудрявый, голубоглазый. Но по телосложению он был настоящий кузнец – широкоплечий, крепкий, однако, в отличие от Эфраима, невысокий. Он с детства помогал отцу в кузнице, а когда унаследовал ее, уже был отличным кузнецом. Когда советская власть начала организовывать колхозы, большая часть сельскохозяйственной техники была разрушена из-за порчи и вредительства. Вот тогда-то Шимона и пригласили починить все испорченное, только платить за работу стали трудными. Поэтому ему и было дозволено сохранить за собой старенькую кузницу. Все остальное имущество было экспроприровано.

Шимон занимался своим ремеслом в кузнице, а его жена Нехама держала дом в своих крепких ручках. Никто не сомневался, что в доме царила она. Она родилась в Польше, в местечке Юршан, недалеко от границы Польши с Белоруссией. Шимон познакомился с ней однажды на танцах, которые проводились между городками, и сразу влюбился. Она была кареглазая, темноволосая, настоящая польская красавица или, как здесь, в Израиле, таких называют на иврите «Полания амитит», «истинная полька», только еврейского происхождения. От их союза родилось семеро детей. Одни голубоглазые блондины, а другие кареглазые брюнеты, и все, как на заказ, удивительные красавцы.

Сначала родились четверо старших с перерывами в три года: сначала дочь Фейгл (Фаня) родилась в 1906 году, за ней Исаак (Саня), папа Илюши и Наташи, за ним Реувен (Ромик) и младшая из старших Рахиль. После семилетнего перерыва, уже при советской власти, родились три младших дочери: Лея (Люся), потом Розочка и последняя Сонечка. При этом Фаня, Ромик, и Рахиль были похожи на мать, а остальные дети внешне пошли в отца.

Нехама была замечательной хозяйкой и отлично готовила. Саня всю свою последующую жизнь вспоминал ее пирожки, топленое молоко, домашнее масло и сыры. Все это готовилось, процеживалось и взбивалось быстро, незаметно и без излишнего шума. По его словам, дом всегда блестел, красивая черноволосая мама быстро двигалась, со всеми делами справлялась незаметно, хотя после нескольких родов пополнела, но всегда оставалась подвижной. Она работала не только дома. После революции ей, как и другим, пришлось работать в колхозе. Там она сразу стала числиться одной из лучших.

Нехаму с детства окружала культура, более ориентированная на европейскую, немного отличающаяся от провинциального образа жизни других жителей Негорелого. Свою роль она видела не только в том, чтобы готовить еду и мыть дом для мужа и своих подрастающих детей, она учила их любить литературу. Она собрала в доме большую библиотеку, читала сама и приучала к этому детей. Она, и в самом деле, преуспела в этом: ее сын Саня любил и хорошо знал литературу. В годы своей холостой жизни в Ленинграде, уже покинув родительский дом, он, по образцу своей мамы, собрал богатейшую библиотеку и очень много читал. Спустя еще лет двадцать, Санины дети, Илюша и Наташа, не раз слышали от восхищенной Фирочки: «Санечка читал все!»

Нехама прилагала усилия и для того, чтобы обучить детей музыке. Она купила для них музыкальные инструменты, доступные в магазинах городка: гитару и аккордеон, и приглашала учителей музыки домой. Нехама старалась сделать все, что было в ее силах, чтобы дом был теплым и притягательным местом для ее детей и их друзей.

Тетя Люся из Москвы, папина младшая сестра, рассказывала Наташе за несколько месяцев до своей смерти, уже здесь, в Израиле: «Мама любила общественную работу. Соседи всегда советовались с ней и на улице, и дома. На районных собраниях ее всегда избирали в президиум, она сидела на сцене и участвовала в принятии решений». Она была заметной личностью в городке. И красавица необыкновенная. Когда она с подрастающими дочерьми прогуливалась по центральной улице городка, прохожие любовались, прежде всего, ею самой, а не юными красавицами.

Саня рос на лоне природы и был крепким и здоровым мальчиком, как и следовало сыну кузнеца. В хедере (религиозной еврейской школе), куда его отдали по традиции в пятилетнем возрасте, он был отличным учеником. Поскольку других евреев в городке не было, то не было в нем и хедера, и пришлось ему ходить учиться в соседний городок, чему он не особенно радовался из-за разлуки с друзьями-соседями. Однако, с приходом революции, весь этот «рассадник ереси», по выражению Сталина, закрыли, и Саня пошел в обычную русскую школу с белорусскими и русскими школьниками.

Как все мальчишки, он был шалуном и проказником. А Илюша с Наташей, как все дети, обожали слушать папины рассказы о том, как их папа был маленьким. Особенно Наташе запом-

нился один рассказ о папиных проделках: был у него дядя, который служил в конной армии, и Саня очень любил хвастаться дядиным героизмом перед своими товарищами. В один из дядиных приездов, когда дядя приехал погостить в семье, мальчик решил поразить всех своей отвагой и проскакать перед друзьями на неуправляемом коне своего родственника. О бешеном нраве коня знали все дети, потому что дядя заранее предупредил их об этом и запретил им приближаться к нему. Но отважный Санечка, тогда подросток лет 13-14, вскочил на коня в стойле, чтобы никто не заметил и не смог его остановить.

Конь рванул вперед, подпрыгнул под притолокой, чтобы сбросить с себя непрошеного всадника, или раздавить его. Но кудрявый всадник успел пригнуться и остался в седле. Конь понесся по городку, менял направления, безумствовал, пытался избавиться от нахала. Но парень словно прилип к нему и дождался момента, когда конь устал и сдался. Когда отец описывал этот эпизод из своей жизни, дети смеялись и гордились его отвагой, смеялся и он. Но когда он начал описывать реакцию своей мамы, их бабушки Нехамы, они поняли, какого страху тогда натерпелась она – ведь он, в сущности, еще мальчишка, оседлал необъезженного коня и рисковал своей жизнью ни за что. Это многому научило и их.

Тем не менее, эти импульсивность, прямота и отвага, будь то к худу или к добру, были присущи ему всю жизнь. Таким он был и в те годы, когда уже не был физически силен, как в эпизоде с конем, но его духовные силы не покидали его никогда. Не хотелось бы назвать его отношение к матери, сестрам, жене и детям рыцарским, но оно было мужским в лучшем и высочайшем смысле этого слова. Это отношение было воспитано в белорусской провинции в семье потомственных кузнецов еврейской матерью, вышедшей из польского местечка.

В свои детские годы Саня был не только силен и здоров. Он был очень умным и успешным мальчиком. В русской школе он тоже выделялся своими успехами, и родители лелеяли надежды на его светлое будущее. Поскольку семья не была религиозной, особенно молодое поколение, дети легко сходились со своими сверстниками из русских и белорусских семей. Дом Нехамы всегда был открыт для друзей ее детей. Друзья с удовольствием ели ее пирожки, пели песни, танцевали и беседовали о политике. Они с легкостью и готовностью усваивали идеологию советского режима – романтику коммунизма. Эта молодежь жила в праздничной атмосфере строительства нового общества, основанного на равенстве всех людей. «Наша жизнь была интересной», – так московская тетя Люся делилась воспоминаниями о своей ранней юности с племянницей Наташей. Это происходило уже в Израиле, в Реховоте, в конце 90-х годов, за три месяца до смерти самой тети Люси. При этом ее голос дрожал от волнения.

Ее волнение было искренним. Понятно, что это была ностальгия по прошлому, по юности, но многие из представителей того поколения говорили, что до Великой Отечественной Войны они испытывали общий энтузиазм, почти вдохновение. Они могли просто питаться и бедно одеваться и не замечать этого ради светлого будущего.

Конечно, и тогда их родители не были так наивны, как их увлекающиеся дети – они видели, что не все идеально в устройстве нового общества. Верно, что Шимон продолжал работать в своей кузнице, как и раньше, и работал он от восхода и до заката, но теперь он был наемным рабочим и получал низкую зарплату. Этой зарплаты катастрофически не хватало на жизнь большой семьи – с тех пор, как было запрещено иметь единоличное хозяйство и все имущество семьи перешло в колхоз, они страдали от нехватки продуктов. В особенности им не хватало коровы, которая находилась теперь в общественном стаде. Надо сказать, что корова эта была довольно необузданная и в свое время успела «насолить» многим членам семьи, а однажды оставила отметину на лбу своим острым рогом одной из Саниных младших сестричек.

Но в качестве общественного имущества, она быстро присмирела после нескольких «уроков» кнутом и равнодушного, грубого обращения. Некому было ласково поговорить с ней во время дойки, некому погладить по бокам. Когда стадо возвращалось с пастбища в колхозный коровник, бедное животное, проходя мимо родного дома, мычало, жалуясь на свою новую

тяжелую жизнь. И их бывшему коню тоже доставалось от его новых хозяев. В обобществленном хозяйстве его запрягали в тяжело нагруженную телегу, и он с трудом тянул ее вперед. Каждый раз, проходя мимо дома, он жалобно ржал, словно умолял о чем-то, и сворачивал к своим воротам. Возница стегал его кнутом и грубо кричал: «Но! Поехали!»

Если Шимону, хотя и мало, но все же что-то платили, то Нехаме в колхозе не платили совсем, с ней расплачивались «натурой» – зерном и молоком, поэтому прокормить детей было трудно. Но ведь не прекращать же их из-за этого рожать! И так они с мужем вынужденно сделали семилетний «перерыв». А ведь когда-то Шимон с Нехамой мечтали о счастливой семье, в которой было бы много детей. Поэтому, оправившись от первых тяжелых ударов, которые нанесла революция материальному положению семьи, они произвели на свет еще трех замечательных дочерей, так называемых, «младших»: в 1922 году – Лею или Люсю, а вслед за ней, с перерывами, Розочку и Сонечку. И опять красавицы, как на подбор: две голубоглазые блондинки и одна кареглазая брюнетка. Снова в доме стало шумно и весело.

Конечно, у Нехамы прибавилось забот. Но основная ее тревога была о старших детях. Она уже давно поняла, что именно она в этой семье – «двигатель прогресса». Она была уверена, что ее старшие дети должны уехать из бывшей «черты оседлости», чтобы строить свою жизнь в больших городах – подальше отсюда.

Да и что была за жизнь для молодых в провинциальном городке? По воскресеньям и праздникам были танцы под музыку местного оркестра пожарников. На эти танцы приходили и солдаты из отряда пограничников, которые всегда стояли в Негорелом. Иногда привозили из Минска кино – вот и все культурные мероприятия. Правда, приезжали еще лекторы из центра, но их лекции молодых не привлекали.

Когда старшая дочь Фаня, окончила школу, ей не оставалось ничего иного, как выйти замуж и повторить судьбу матери. Но не в одном лишь замужестве видела Нехама будущее своих дочерей, она мечтала о том, чтобы они получили высшее образование. Однако в Негорелом получить его было негде. Поэтому Фаня, с благословения родителей, уехала в Минск, там начала работать и одновременно учиться в институте на фармацевтическом факультете. Фаня была первой «ласточкой». Но ее примеру последовали и подрастающие дети Матвея, Зуся и Мэри. Некоторые, как и Фаня, поехали учиться в Минск, другие – в Гродно.

Надежды Шимона и Нехамы относительно старшей дочери оправдались вполне. Серьезная и ответственная Фаня успешно окончила институт, полюбила хорошего парня и вышла за него замуж. У них родился сын Иосиф – Осик, первый внук Шимона и Нехамы. Молодая семья осталась жить в Минске, но Фаня с мужем часто навещали родных в Негорелом, а Осика оставляли у родителей на все лето. Это стало семейной традицией: все разлетающиеся по разным городам на работу или учебу дети всегда собирались на лето в Негорелом у своих родителей и у дедушки Эфраима.

Пока Фаня училась в институте, подошла очередь Исаака, Сани, который был младше сестры на три года, выбирать свой жизненный путь. Судьба потомственного кузнеца для него, как старшего сына, тоже не привлекала его мать. Поэтому именно по ее инициативе, в 1927 году, 18-летний Саня покинул дом. Но он поехал не в Минск и не в Гродно. Он решил искать счастья в большом культурном городе России – Ленинграде. Тут уже Санечке диктовать не мог никто, даже его мама «полания» (полька). Это был его собственный выбор.

* * *

Однако он не был первым из тех, кто приехал в Ленинград из Белоруссии. Ленинград в те годы остро нуждался в новой рабочей силе из-за голода и высокой смертности населения. Поэтому предприятия Ленинграда объявили о мобилизации рабочих на окраинах страны. И окраины услышали этот призыв.

Среди вновь прибывших в огромный город было много евреев из Белоруссии по простой причине. Добираться сюда было сравнительно легко – между Минском и Ленинградом была прямая железнодорожная линия. Но Ленинград был привлекателен для этих людей еще и потому, что там были большие заводы, предлагавшие работу. К тому же город на Неве был известен своими учебными и культурными центрами, а еврейская молодежь истосковалась и по учебе, и по культуре в своих местечках и маленьких городах.

Саня думал, что он совершил чуть ли не революционный поступок, уехав из Белоруссии, но он с удивлением обнаружил, что он был лишь одним из многих, и он с любопытством смотрел вокруг своими задумчивыми голубыми глазами. Совсем юный, провинциальный и очень одаренный парень, он был благодатным материалом для «промывания» мозгов, и он с готовностью впитывал пропаганду революционного строительства.

Поскольку Саня был сыном кузнеца и был знаком с физическим трудом с детства, он легко влился в заводскую жизнь и выбрал профессию близкую к отцовской – обработку металлов. По этой же причине у него не возникло проблем и с поступлением в институт, на рабфак – подход там был классовый, предпочитали в основном выходцев из рабочих и крестьян. То, что с таким трудом давалось Фирочке из-за ее «буржуазного» происхождения, Сане давалось легко. В глазах властей, он и был тем самым представителем пролетариата, которому, по словам Маркса, «нечего терять, кроме своих цепей, а приобретет он весь мир». Так он себя тогда и чувствовал – молодым хозяином строящегося государства.

Когда Саня приехал в Ленинград, он был открытым энергичным юношей, который свободно высказывал свое мнение по любому поводу. С энтузиазмом, присущим ему с детства, он погрузился в работу и учебу и, конечно, в комсомольскую работу. Но в данной области он быстро разочаровался. Его аналитический ум не дремал – не прошло и нескольких месяцев, как он осмыслил и сопоставил некоторые факты и дошел, как ему казалось, до самой сути. Поэтому на одном из комсомольских собраний все тот же юный Санечка с прямоотой и отвагой, которые всегда характеризовали его, попросил слова и изрек, что Сталин – диктатор.

Как же случилось, что паренек, который совсем недавно приехал из пограничного городка в Ленинград, вдруг стал отъявленным противником власти?

Возможно как раз у него, молодого доверчивого энтузиаста, еврея по происхождению, и были причины разочароваться в режиме и яростно обвинять его чуть ли не в тирании. Дело было, конечно, не в резко изменившемся характере юного Санечки, а в проявившемся характере самого режима – Сталин перестал вуалировать свою критику оппозиции под общими лозунгами, он конкретизировал адрес нападок в своих газетных статьях: «Мы боремся с левой оппозицией не потому, что вся она состоит из евреев, а потому что во главе оппозиции стоят евреи».

В связи с этим, 7 ноября 1927 года власти разогнали демонстрацию оппозиции с криками: «Бей жидов! Бей жидов оппозиционеров!» Но окончательная их судьба была решена в декабре того же года на Пятнадцатом Съезде Партии, когда был принят закон о подчинении всех ее членов «Единой Линии». Согласно этому закону, любое несогласие члена партии с Единой Линией Партии было объявлено вне закона.

Поэтому у юного Санечки, который смотрел на происходящее свежим, незамутненным взглядом и увидел вблизи «достижения» революции, довольно быстро появились веские причины обвинять Сталина в диктаторстве. Однако ему сильно повезло, что он высказал свою крамолу сразу, в ноябре, за месяц до того рокового съезда, поэтому это сошло ему с рук без мгновенных последствий. К тому же он не был членом партии, он был всего лишь комсомольцем. Он и думать забыл об этом эпизоде, жизнь его была полна впечатлений и событий: работа, учеба, общественная работа... Ему было лишь немного трудно привыкнуть к городскому образу жизни без активной физической нагрузки. Он был крепким парнем, жизнь в нем

кипела, и вскоре он стал отличным спортсменом – штангистом и гребцом. Спустя пять лет, он получил спортивный знак отличия и был принят в сборную команду.

Не случайно его родители, папа Шимон и мама Нехама, гордились своим старшим сыном: в его зачетной книжке большая часть оценок была «отлично», в его трудовой книжке в разделе «Награды» – длинный список благодарностей, объявленных ему в довоенные годы. Когда он окончил учебу, то стал замечательным инженером. Уже в возрасте 24 лет Саня стал начальником механического цеха. Он продолжал активно продвигаться по служебной лестнице. К началу Великой Отечественной Войны он достиг должности главного инженера завода.

Однако этот успех стоил ему недешево. Он удивительным образом ассимилировался. От традиционного еврея в нем не осталось ничего, кроме, разумеется, его еврейской внешности и его пристрастия к кошерной еде. Понятно, что он не готовил себе еду сам, но в Ленинграде той поры было легко найти кошерную столовую. Трудно было поверить теперь, что этот красивый и удачливый молодой мужчина в детстве учился в хедере (религиозной еврейской школе) – «духовном гнойнике», как его с ненавистью было принято называть в обществе.

С приходом революции все хедеры были уничтожены, но в семье его родителей продолжали говорить на идиш и русском языках, и сохранили еврейские традиции. В семье самих Сани и Фирочки и родители, и дети говорили уже только на русском языке, но когда папа с мамой хотели что-то скрыть от детей, то переходили на идиш, однако, традиций уже не соблюдали, а скорее – не могли соблюдать в густонаселенной квартире. Когда в возрасте 15 лет Наташа попросила папу обучить ее разговорному идишу, он с радостью откликнулся, и в отпуске научил ее нескольким фразам. Но ни читать, ни писать на идише или иврите он уже не мог. Это искусство он забыл полностью.

Страдал ли Саня от своей ассимиляции? Когда он приехал в Ленинград, его цель была как раз интегрироваться в советскую систему, не сохранить свою национальную специфику в большом многонациональном городе, а раствориться в нем. Власть же заботилась лишь о советизации вновь приехавших в города людей. Поэтому при встрече Сани с Фирочкой в 1936 году он был уже типичным представителем советской интеллигенции в первом поколении, который был обязан власти и своим образованием, и карьерой.

Согласно переписи населения 1939 года, только 20 % из двухсот тысяч евреев Ленинграда указали идиш как свой родной язык. Трудно объяснить, почему это произошло. Для сравнения – 80 % татар указали татарский язык в качестве родного, хотя и быть татариним в городе, изъедаемом ксенофобией, не было большой честью. И все же, очевидно, это было менее опасно, чем быть евреем.

Говорили ли евреи правду, когда отвечали на этот вопрос в бланке переписи населения? А если они действительно говорили правду, потому что уже, в самом деле, плохо помнили идиш? Произошло ли это из-за давления, оказываемого властью, или из-за их собственной внутренней потребности поскорее раствориться в великой и всеми любимой русской культуре и послать подальше и унижительное прошлое, и унижающий их достоинство язык черты оседлости – идиш?

Вероятно, у каждого из 80 % евреев, указавших русский язык в качестве родного, были свои объяснения для этого выбора. Неизвестно, что написали Саня и Фирочка в ответе на данный вопрос. Логичнее всего предположить, что и они выбрали русский язык. И это было правдой. Ведь все евреи того поколения были двуязычными и свободно переходили с одного языка на другой безо всяких проблем. Они родились как граждане Российской Империи и естественным образом владели русским языком от рождения.

В любом случае, было предпочтительнее хотя бы таким окольным путем показать власти свою преданность, ведь процесс усиления «русских национальных элементов» во внутренней политике Сталина начался еще в 30-х годах. В годы «великого террора» (1936-1938) большинство евреев, обладавших высокими постами, стали жертвами репрессий. Но Санечке повезло

и тут – он еще не успел настолько вырасти по службе, чтобы привлечь к себе внимание и превратиться в лагерную пыль, поэтому он остался на прежнем месте работы на заводе и даже счастливо и беспрепятственно женился в 1939 году.

Однако, ни Фирочка, ни ее «везунчик» муж не подозревали, что где-то там, в потайной комнате КГБ, хранится папка, а в ней лежит протокол того давнего комсомольского собрания, о котором Саня и думать забыл за давностью времени. Тогда он произнес одну фразу – с присущими ему честностью и прямоотой, возможно, немножко поспешно, не подумав о последствиях: «Сталин – диктатор». Он забыл эту фразу. И все о ней забыли. Но она хранилась там и тикала, как бомба замедленного действия, и ждала своего часа.

* * *

Когда окончилась Великая Отечественная война, Саня должен был послать семье приглашение вернуться в освобожденный Ленинград. Таков был новый закон – только коренные жители Ленинграда могли вернуться к себе домой, и только по вызову. Естественно, что он послал подобные же приглашения и Фирочкиным сестрам – Риточке и Катюше. Таким образом, семья Санечки и Фирочки объединилась в Ленинграде вновь.

Перед самой эвакуацией, в 1943 году, семье Сани и Фирочки выделили отдельную трехкомнатную квартиру на Шамшевой улице. Они не успели переехать в нее, так как силы у сестер были на пределе, и основная их задача была эвакуировать ребенка как можно скорее. Поэтому квартира была оставлена на попечение Сани, но изможденный Саня не сумел регулярно ездить с завода домой, чтобы платить за эту квартиру в отсутствие семьи, поэтому Фирочка с Илюшей были вынуждены вновь поселиться в своей блокадной «обители» на Гатчинской улице. Тетя Рита с тремя взрослыми детьми вернулась в свою комнату у Калинкина моста, а тетя Катюша – в свою комнату на Серпуховской улице.

Послевоенный город был разрушен, сохранившаяся в комнате мебель была полуразвалившейся и жалкой. Все страшные воспоминания блокады поднялись в Фирочке, когда она снова вошла в их длинную узкую комнату в полуподвальном помещении, и она долго не могла забыть потерю трехкомнатной квартиры, так и не обретенной ее семьей. Но могла ли она упрекать Саню?

Несмотря на все лишения и потери, они были счастливы. Маленькая семья: отец, мать и сын выдержали испытание войной. И только победа была важна для них. Но война стоила им дорого. За все страдания они заплатили своим здоровьем. У Фирочки появилось тяжелое заболевание сердца. Саня страдал от язвы желудка и высокого давления. А прекрасные карие глаза пятилетнего Илюши не перестали косить. Косоглазие ребенка, как внешний след войны, не прошло со временем, несмотря на все усилия его родителей. И все же они были оптимистичны. «Мы думали только о победе. Ты даже не представляешь, доченька, как мы были тогда счастливы», – вспоминал папа времена, когда ее еще не было на свете.

И тогда произошла катастрофа. В ответ на многочисленные письма, которые Саня посылал в Белоруссию, пришел ответ, а в нем было написано, что вся семья Капланов, 32 человека, были расстреляны нацистами в Негорелом недалеко от их дома. Саня и Лева взяли на заводе несколько дней отпуска и уехали в Негорелое. Там они узнали, что, в самом деле, произошло с родными Сани.

Выяснилось, что в начале войны, они не только не успели бежать в какое-то более надежное место, но даже и не хотели никуда бежать. Почему?

После подписания пакта Молотова – Риббентропа между Россией и Германией 23 августа 1939 года, Советские средства массовой информации распространяли слухи о том, что эти две страны находятся в дружеских отношениях, и всячески убеждали доверчивый народ в отсутствии военной опасности со стороны Германии: «Фриц не посмеет».

Судьба Саниных родителей, Шимона и Нехамы, представляет собой довольно яркий и трагичный пример этой наивной веры. Но для рассказа о них надо сначала вернуться к судьбе их дочери Рахили, младшей из четверых старших детей, которую юной девочкой увлек под венец красавец-пограничник Иван Бондаренко.

Рахили было 19 лет, когда она вышла замуж за Ивана. Конечно, родители противились их браку, и у них было для этого несколько причин. Прежде всего, Рахиль была очень молода и не успела получить никакого образования, кроме среднего. К тому же, у Ивана была «походная» профессия пограничника, которая не предусматривала и в будущем возможности получить образование. Ну и последнее, хотя об этом они не говорили вслух – Иван был украинцем, а они бы предпочли еврея. И, тем не менее, любовь молодой пары была сильнее всех препятствий.

Шел 1934 год. После свадьбы, Рахиль поехала с мужем на новое место его службы, тоже на границе с Польшей, недалеко от дома. Каждое лето она проводила у родителей в Негорелом, сначала со старшим сыном Левушкой, потом и с двумя родившимися после Левушки дочками – Линой и Галиной. Сохранилась фотография одного из посещений Рахилью родного города. Это вообще единственная фотография, на которой сняты родители Сани.

Шимон, Нехама, Рахиль и годовалый Левушка сидят на солнышке у старого сарая. Шимон сидит в кепке и смотрит в объектив, чуть сощурившись, его руки сложены на коленях в позе непривычного безделья. На голове Нехамы повязан платок, как у простой деревенской женщины. Она улыбается Левушке и кладет ему что-то в рот. Судя по их одежде, оба Шимон и Нехама, выглядят как настоящие крестьяне. И руки их тоже выглядят привычными к физическому труду. Рахиль, напротив, одета в красивое шерстяное платье с узором и выглядит как молодая городская женщина. Фотография любительская, не профессиональная, поэтому почти невозможно различить черты лица, да еще и солнце мешает. Но все же видно, что лица у всех гармоничные, правильные, в этом сомнений нет.

Так и ездила Рахиль каждое лето к родителям со своим прибавляющимся семейством, до самого 1939 года. И в то лето она тоже приехала в свой родной городок, как обычно. В конце лета она вернулась домой, все еще при мирной жизни. Однако через несколько дней Германия напала на Польшу и началась Вторая Мировая Война. Иван посадил жену с маленькими детьми на телегу, запряг хорошего коня и отправил семью обратно в Негорелое, чтобы спасти их от нацистов. Таких случаев было много: целые семьи из Польши бежали на Украину и в Белоруссию в надежде спасти свои жизни. Они тоже верили, что «Фриц не посмеет» напасть на Советский Союз.

«Если бы я была с ними, – горько плакала Фирочка, когда они с Саней узнали о трагической судьбе Саниных родных, – я бы уговорила их бежать». Сомнительно, что ей удалось бы это осуществить. Конечно, с ее характером, с ее силой убеждения, она бы их уговорила тронуться с места. Но бежать? Захват Негорелого был таким внезапным, что большой семье со стареньким Эфраимом, маленькими внуками и беременными невестками было уже не успеть бежать ни в каком направлении. Всюду были немцы.

Захват Минска занял всего несколько дней, и только некоторые из его жителей успели бежать от нацистов. Среди них две Саниных сестры: старшая сестра Фаня, та самая, которая первой покинула семью и уехала в Минск учиться и работать, окончила институт, вышла замуж и родила сына Осика. В то лето она, как обычно, отправила уже 15-летнего сына к родителям на лето, а сама с мужем продолжала работать и ждала отпуска, чтобы присоединиться к сыну и семье.

С Фаней вместе жила ее младшая сестра, Лея или Люся, старшая из троих младших, которая тоже приехала в Минск учиться и работать. Она поступила в институт на немецкое отделение филологического факультета и перешла на второй курс. После сдачи летней сессии, Люся тоже собиралась вместе с Фаней и ее мужем поехать в Негорелое. Однако жизнь распорядилась иначе. Через шесть дней после начала войны, Минск был захвачен.

В это время обе сестры были на работе. Возможно, и хорошо, что с ними долго не церемонились, а по-быстрому покидали в грузовики, как мешки, и отвезли за 20 километров от Минска. Там высадили и сказали: «А дальше идите пешком», и указали направление. И они, как были, в летних платяцах и босоножках, без еды, шли пешком месяц или больше до какого-то колхоза, в котором потом и работали всю войну. Так они спаслись. Большую часть беженцев из Минска нацисты уже встречали по дороге и возвращали обратно. Их расстреливали на месте или отправляли в гетто. С ними вместе погиб и муж Фани. Он был болен тяжелой формой туберкулеза, поэтому супруги не успели даже попрощаться перед вечной разлукой.

Судьбы евреев пограничного городка Негорелого были еще более трагичны. Захват станции нацистами был делом считанных часов, не дней. А ведь все родные собрались у деда Эфраима на традиционный летний сбор, что означало, что в его дом съехалось народу намного больше обычного. Только Саня с Фирочкой и Илюшей, Ромик с женой Розой и дочкой Региной и Фаня с Люсей не успели приехать к родителям, но и они вот-вот должны были появиться в конце июня. Зато приехали старшие дети Мэри, у которых закончился учебный год в институтах, приехали дети Матвея и Зуся. Но среди всей этой огромной компании только Рахиль пыталась уговорить родителей бежать из их городка в более безопасное место. Но куда? И когда? Сама она уже бежала с детьми из Польши, ныне принадлежавшей Германии. Куда было бежать теперь?

На руках многочисленных взрослых одной разветвленной семьи было много подростков и маленьких детей, за судьбы которых они отвечали, и все вместе они оказались в ловушке у нацистов, выхода из которой не было. По горькому стечению обстоятельств, многие взрослые дети этого семейства, даже те, которые не собирались приехать в отчий дом на лето, узнав о начале войны, сочли своим святым долгом приехать домой, чтобы этот трудный момент разделить с родными. Вырваться из Негорелого им уже не удалось. Всего в доме Эфраима собралось 32 человека. Таким было и число жертв нацистов.

Как выяснили Саня и Лева, соседи-белорусы, быстро сообразив, чем угрожает приход нацистов семейству Капланов, поселили их всех в своем просторном подвале, где и держали почти полтора года. По другим рассказам, остановившиеся в городке немцы, увидев пустовавшую кузницу, потребовали отыскать кузнеца. Полицай привел Шимона, не рассказывая о месте нахождения его семьи. Немцы потребовали от Шимона обслуживать их военную технику. Тот отказался наотрез и был застрелен на месте.

Почему же полицай не выдал еврейскую семью сразу? Он тоже был соседом Эфраима и рос на глазах его и его жены Леи. Его мать была разведена, и ей было трудно одной растить двоих детей. А «жиды» – Эфраим и Лея – всегда помогали его матери едой и одеждой. Когда началась война, бывший ребенок стал взрослым и пошел к немцам в полицайи, но поначалу он помнил добро теперь уже старого и вдового Эфраима и даже помогал семье, приютившей евреев, продовольствием. Но когда он поссорился с этой семьей, то стремление отомстить ей затмило все, и он выдал и евреев, и их спасителей.

Семью Саниных родных вывели из подвала, и повели по направлению к пастбищу. На плечах Эфраима был рваный талит (покрывало для молитвы), на руках он нес маленькую правнучку, дочку одной из невесток, которая родилась в подвале во время войны и не умела ходить по земле. Эфраим с трудом шаркал ногами, а полицай подталкивал его ружьем. Нацисты расстреляли их всех. По рассказам свидетелей, бабушку Нехаму застрелили последней в ее семье. Ее дочери – подростки Сонечка и Розочка, и все ее внуки были убиты у нее на глазах. Так же они поступали с каждой матерью или бабушкой и других ветвей этой дружной семьи. На месте их расстрела сейчас стоит кинотеатр.

* * *

Когда Саня и Лева вернулись в Ленинград, вид Сани ужаснул Фирочку. Он изменился до неузнаваемости. Его лицо стало серым. Сильный мужчина, прошедший войну в блокадном городе, он как будто умер. Он вернулся на работу, и работал четко, как обычно. Он продолжал быть любящим мужем для Фирочки и любящим папой для Илюши, но он словно не жил. Он непрерывно думал о трагедии, произошедшей в Негорелом, особенно о матери, которую расстреляли последней. Мало было этим зверям ее убить, думал он, так им надо было еще и заставить ее увидеть смерть дочерей и внуков. Эти мысли он прокручивал в голове постоянно. Эти картины преследовали его до конца жизни. Фирочка уже тревожилась за его психическое здоровье, потому что бывало нередко и так, что он, приходя с работы, погружался в свои мысли и уходил в себя так глубоко, что не отвечал на ее вопросы.

Со временем Саня сумел овладеть своими эмоциями. Но только когда Фирочка сказала ему, что она ожидает второго ребенка, он, в самом деле, возродился к жизни – он смеялся, танцевал вдоль их узкой комнаты, и радость буквально выплескивалась из него наружу. Он снова был счастлив и почти вернулся к прежнему Санечке с его чуточку детским и импульсивным характером, который она так любила.

В это время Фирочка уже работала в институте на кафедре физической и коллоидной химии. В связи с тем, что большая часть преподавателей кафедры, работавших до войны, погибла в боях с фашистами, коллектив значительно поредел. Оставшиеся в живых дошли до Берлина и теперь служили на территории Германии, в связи с этим они пока не могли вернуться к своим студентам. Поэтому Фирочка, теперь уже Эсфирь Ильинична, была практически единственным преподавателем на кафедре в течение двух лет.

Ей было радостно читать лекции – в ней открылся еще один талант, до того скрытый и от нее самой: замечательного лектора, который умел объяснять новый материал просто и доходчиво, увлекал студентов своей ясной и понятной речью, прекрасной дикцией, интеллигентной формой выражения. Нельзя сбрасывать со счетов и особый контингент послевоенных студентов, людей, прошедших войну, это были люди взрослые, многое в жизни пережившие и потерявшие. Они стремились наверстать хотя бы эти упущенные для учебы годы, что служило серьезным стимулом для серьезных занятий. И Фирочка с ее ответственностью, терпением, широким культурным кругозором, идеально подходила для своей должности. Единственное, с чем она справиться не могла, это с ремонтом химических приборов, которые сломались еще во время блокады, и починить их было некому. К всеобщей радости, потихоньку стали возвращаться монтеры, к которым выстроилась очередь с разных кафедр, но зато появилась и надежда на ремонт приборов и восстановление опытов.

Однако жизнь диктовала свое. Несмотря на заболевание сердца, которым Фирочка страдала со времени блокады, несмотря на тесноту в комнате, Саня и Фирочка мечтали о дочке. Жажда жизни в них была сильнее всего. На самом деле, врачи запретили Фирочке рожать, но не такова она была, чтобы послушать их в данном вопросе.

Ее беременность действительно была тяжелой, и ей пришлось лечь в больницу за два месяца до родов, но, как ей всегда было свойственно, Фирочка преодолела все трудности и 28 июля 1946 года родила дочку. Девочку хотели назвать в честь бабушки Нехамы, расстрелянной нацистами, но боялись дать ребенку явно еврейское имя. Поэтому родители решили назвать ее именем, начинающимся на букву «Н» – Натальей.

Наташа помнила себя очень рано. Еще до образных воспоминаний приходят на память ощущения. Мама. Папа. Их руки ласкают ее. Их улыбки. Их голоса: «Доченька!» «Тохтарке!» Поцелуи. Объятия. Ощущение безопасности. Безмятежность. Наташе кажется, что она пом-

нит, как ее несут на руках завернутую в одеяло. Хотя, наверное, это плод воображения? Ее любили – это она знает точно.

Первое отчетливое воспоминание Наташи о детстве черно-белое. Сама Наташа лежит в прогулочной коляске для младенцев, а папа и Илюша везут ее по улице. Ей кажется, что она явственно видит их образы и даже помнит их черные пальто. Мама подтвердила это невероятное воспоминание: «Когда тебе был год или немногим больше, тебя возили на прогулку в мальпосте. (Фирочка обожала иностранные слова). Ты не знаешь, что такое мальпост? Это такая открытая высокая коляска без верха, теперь таких в продаже нет. И у папы, и у Илюши действительно были черные пальто, если вообще их одежду того времени можно было назвать пальто. И все мы по очереди гуляли с тобой на свежем воздухе».

Слова «свежий воздух» произносились мамой почти с благоговением, как нечто, близкое к святости. Дома или на Гатчинской улице, или где-либо поблизости от нее такого воздуха, конечно, не было. Само собой разумеется, что «свежий воздух» для всех членов этой семьи был только на Большом проспекте: отныне для Наташи этот проспект стал путем ежедневных многочасовых прогулок и открывания мира.

Третья глава. Наташа

И все же мир Наташи начинался не с Большого проспекта, а прежде всего с Гатчинской улицы, на которой она родилась. А вот ее-то Наташа и не любила. Да и кто мог бы ее полюбить? Гатчинская улица была темная, узкая, машины непрерывно ездил по ней с огромной скоростью. Во всяком случае, так казалось Наташиной маме, Фирочке, поэтому она категорически запрещала своей маленькой дочке переходить через дорогу одной, а тем более играть на дороге. Но дом, в котором они жили, очень нравился девочке. Он был старый, постройки начала XX века, крепкий, семиэтажный, покрытый серыми выпуклыми гранитными плитками. Он и сейчас стоит на своем месте и ничего ему не делается. Маленькая Наташа любила гладить его шершавые плитки, прислоняться к ним щекой.

Квартира, в которой жила их семья, находилась на нижнем этаже, в полу – подвальном помещении, но не в самом подвале, ведь под их двумя низкими окошками было еще одно, дополнительное оконце, правда, без стекла – в кочегарку. Зимой топили углем. Наташа помнила, как разгружали с грузовиков уголь и при этом иногда лопатой разбивали их оконные стекла. Огромная черная куча угля доходила до середины окон, и в комнате всегда царил мгла. Возможно из-за этого у старшего брата Наташи – Илюши и у самой Наташи еще в детстве испортилось зрение.

Конечно, в их доме был центральный парадный, всегда освещенный, вход. Но вход в их квартиру был через арку и далее в подворотню. Надо было остановиться как раз посередине темного прохода и разглядеть старательно запертую от воров дверь. За ней следовала еще одна, внутренняя дверь. Ее тоже запирали огромным ключом. На ночь, для верности, эти две двери соединяли огромным металлическим крюком, сломать который было не под силу никому за все время его существования. Этот крюк входил в петлю со страшным скрежетом. До сих пор Наташу иногда посещают кошмарные сны о том, как она в полном одиночестве и в кромешной тьме идет по той подворотне, кто-то преследует ее, и она не успевает отпереть внутреннюю дверь.

Квартира была густо заселена. Войдя в квартиру с улицы, неопытный человек мог сразу упасть на огромный ящик. Нечего и говорить о том, что маленькая Наташа много раз тыкалась мордашкой прямо в этот ящик, если взрослые не сразу зажигали свет, приводя ее с улицы. Ящик стоял как раз по центру коридора и был изготовлен из досок с просветом для вентиляции. Он был предназначен для соседского картофеля, заготовленного на зиму, и издавал постоянный гниловатый запах.

Две двери справа вели в комнаты соседей, тети Маруси, которая жила со своей приемной дочерью Ольгой, Лелей. На самом деле, Леля была племянницей тети Маруси, но настоящая мама Лели, сестра тети Маруси, умерла от голода в блокаду, и тетя Маруся удочерила Лелю еще девочкой.

У тети Маруси было четверо жильцов, которые проживали вместе со своей хозяйкой на той же площади, то есть они снимали у нее часть комнаты. В те годы это была распространенная практика. Наташа запомнила одну дружелюбную супружескую пару тети Марусиных жильцов. Они хорошо относились к маленькой девочке, заходили к ним в комнату, чтобы с ней поиграть, приносили ей конфеты. Но жильцы попадались разные и не всегда любили детей. И что самое паразитическое – они не любили и Наташиных папу и маму, и даже Илюшу.

По левую сторону коридора тоже была дверь, за ней была лестница. Десять ступенек лестницы вели вниз, к комнате, в которой жила семья Каплан, вторая комната принадлежала соседке Вере, а третья дверка вела в чулан. В комнате Веры тоже ютились жильцы: две сестры – старшая Валя и младшая Груша. Обе девушки, совсем молоденькие, бежали после войны из колхоза, чтобы искать в большом городе лучшей жизни. Наташа смутно помнила разговоры о

послевоенном голоде в колхозах, о голоде, который выгнал многих крестьян, главным образом молодежь, в большие города. Валя и Груша были добрые, пугливые, вечерами сидели дома, боялись, что их найдут и выгонят обратно домой или, что еще хуже, отдадут под суд.

Чуланчик был маленький, темный. Наташа любила сидеть там, на низком детском стульчике, и разглядывать старые вещи: керосиновую лампу, кстати, летом на даче ей находилось самое активное применение, ведь электричество было далеко не всюду. А однажды любознательная девочка отыскала в чулане какой-то металлический бачок и, пачкая платье на животе, с трудом приволокла его в комнату, – «Это что»? «Это» оказалось «буржуйкой», печечкой, которая согревала ее родных во время блокады и помогла им выжить. После войны хранили эту печечку в чулане, на всякий случай – у Фирочки не хватило духу выбросить ее на помойку. Тусклое освещение, старые вещи – все это создавало в чуланчике атмосферу сказочности, которую Наташа так любила. Ей не было страшно. Было хорошо и чуточку жутко. Поэтому дверь в чулан она, на всякий случай, оставляла открытой.

Комната, в которой жила Наташина семья, была узкой и длинной. Мебель в ней стояла впритык. Перед двумя окнами стоял большой, старинный, дубовый, двух тумбовый письменный стол, покрытый черной кожей. Ножки у него были большие, округлые, по форме напоминающие огромные свиные ноги. В каждой тумбе было по четыре выдвижных ящика, а между ними был еще один смежный, широкий ящик, но все они запирались на ключ. Ни Наташа, ни даже Илюша, ее старший брат-отличник, доступа к ящикам не имели. На столе стоял красивый мраморный письменный прибор сиренево-розового цвета, и все его части были понятного назначения, кроме одной – пресс-папье, как заумно объяснили Наташе родные. Но было у этого устройства и обычное название – промокашка для чернил. Стол был длинный и широкий и занимал почти все пространство перед окнами во всю ширину комнаты. Рядом с ним лишь с трудом умещалась небольшая круглая мраморная тумбочка, которую бабушка Ольга подарила родителям Наташи на свадьбу. Бабушка умерла в блокаду от голода, и Наташа никогда ее не видела. На тумбочке в зависимости от времени года стояли либо цветы, либо еловые ветки в хрустальной вазе.

Справа от окон стояла двух спальная родительская кровать с резным изголовьем из никеля и кружевным белым покрывалом. На кровати всегда лежало белое, тоже кружевное, саше (небольшой конвертик из хлопка) с выглаженными носовыми платками. Дальше стояла кроватка Наташи, а над ней висел коврик, на котором были вышиты фигурки мальчика и девочки. За кроваткой следовал длинный концертный рояль немецкой фирмы «Беккер».

Рояль был не только старинный, но и очень старый, настоящая семейная реликвия. По рассказам мамы, бабушка Ольга играла на нем еще подростком, потом юной женой, потом молодой матерью, затем учила играть на нем своих подрастающих детей. Когда умер ее муж, Наташин дедушка Илья, бабушка давала частные уроки игры на рояле чужим детям и на заработанные деньги кормила своих детей. Тогда концертный рояль, который стоял на улице Марата, спас жизнь их маленькой семьи. «Ну, и моя зарплата тоже помогла нам выжить в те годы», – не могла не признать Фирочка. Даже во время блокады они не продали рояль и не сожгли его.

До войны мама и тетя Катюша часто играли на этом рояле. И сейчас мама в свободную минутку подходила к нему, пыталась играть мазурки Шопена или вальсы Штрауса и всегда говорила, что кроватка Наташи мешает движению ее левой руки. К тому же, по ее мнению, звучание рояля безнадежно испортилось от времени и от сырости, которой он подвергся во время блокады. А Наташе мешал сам рояль, потому что по мере того, как она росла, ее ноги норовили расположиться прямо на его клавиатуре. Со временем наступил момент, когда рояль превратился в бесполезный предмет мебели – играть на нем было нельзя, продать или выбросить было жалко, слишком дорогую память он в себе хранил. Передвигать же его было попросту некуда: длина комнаты была исчерпана.

Около изгиба рояля размещался круглый дубовый обеденный стол с толстой ножкой, разветвленной в три стороны посередине. Поскольку дверь в комнату была как раз напротив, и в этом месте сильно дуло, то Наташино постоянное место за столом было как можно дальше оттуда – у самого изгиба рояля. Там она впервые получила представление о различии между правой и левой стороной, о том, какой рукой надо есть, как держать ложку, а со временем и все остальное. Учили хорошим манерам, не жалели!

Слева от письменного стола стоял диван старшего брата Наташи – Ильи, или Илюши, названного так в честь дедушки Ильи Наумовича, мамино папы. Между Илюшиным диваном и дверью располагался трехстворчатый шкаф, две его боковые дверки были сделаны из сплошного дерева, а средняя дверь была застеклена и изнутри завешена темно-синим плиссированным шелком. Внутри на одной из дверей висело большое зеркало во всю ее длину и ширину, и Наташа обожала кривляться перед этим зеркалом, как только предоставлялась возможность. Но и эти двери тоже были почти всегда заперты на ключ.

Ночью где-то в середине комнаты раскладывали складную кровать Зины, Наташиной няни. Книг в комнате было мало, потому что почти все книги мама сожгла во время блокады в «буржуйке», чтобы согреть комнату. Теперь «буржуйкой» не пользовались, но сохранилась большая круглая старая печь, которая стояла в самом углу комнаты, рядом с дверью, напротив «хвоста» рояля. Наташа обожала сидеть на своей детской табуретке на безопасном расстоянии от топящейся печки (сто раз предупреждали – опасно, садись подальше, но все равно тянуло как магнитом) и смотреть на пылающий огонь.

Огонь в печи тоже создавал атмосферу сказочности, не меньшую, чем темный и загадочный чуланчик. К тому же около печки было тепло. Ее топили в сентябре и октябре, потому что в их полуподвале всегда было холодно и сыро. Официальный отопительный сезон углем начинался лишь в ноябре, поэтому родители, заботясь о здоровье детей, заранее закупали дрова и ежедневно топили печь. Центральное паровое отопление установили только во второй половине 50-х годов, и тогда огромную печь торжественно выдворили из комнаты.

* * *

Через месяц после рождения Наташи, Фирочка, по существовавшему тогда закону, вынуждена была вернуться на работу и начать учебный год как обычно – первого сентября. Ведь она по-прежнему была единственным преподавателем на кафедре. Преподаватели-мужчины все еще служили в Германии. Как-то, просматривая родительский альбом фотографий, Наташа увидела поздравительную открытку из Германии от профессора Фраермана. В открытке профессор поздравлял Фирочку с рождением дочери и желал им обоим долгих лет счастливой и здоровой жизни. Однако он добавлял, что и в этом учебном году не сможет вернуться к преподаванию, поскольку должен продолжить военную службу в Германии. Под текстом поздравления стоит печать, внутри которой можно и сейчас различить печатный текст: «открытка прошла военную цензуру и послана полевой почтой 28.09.46» – ровно через два месяца после рождения Наташи.

Таким образом, когда Фирочка вышла на работу, то волей-неволей возникла острая необходимость в няне. Ведь у новорожденной Наташи не было ни бабушек, ни дедушек, ни со стороны матери, ни со стороны отца. А ясли не брались в рассмотрение в этом семействе, потому что, на взгляд Наташиной мамы, как профессионального химика, которая сама мыла руки по сто раз в день и своих мужчин заставляла делать то же самое, ясли были сосредоточением всех возможных инфекций. Вероятно, Фирочка была во многом права, особенно если учесть бедственное послевоенное состояние детских учреждений, как и многих других учреждений. Но где было взять подходящую няню?

На самом деле, после войны в Ленинграде было много молодых деревенских девушек, готовых взяться за любую работу, вплоть до ухода за младенцем. Но не каждой Фирочка доверила бы свою драгоценную доченьку. Ведь одна «няня» сразу обожгла ее, другая положила ее на холодный пол, и девочка заболела воспалением легких из-за сильных сквозняков, которые продували их длинную и узкую комнату. И так няни менялись одна за другой, пока к ним в семью не пришла Зина. Наташе к этому времени уже было полтора года.

Зина была 22-летней деревенской девушкой с широким, простым лицом и маленькими голубыми глазками. Но взгляд их был открытый и добрый. У нее был огромный вздутый живот, который у другого человека, не у Фирочки, мог бы вызвать подозрения, что, возможно, она скрывает беременность на больших сроках. Но после блокадная Фирочка знала, что во многих случаях, вздутый живот – это следствие голода, а не беременности.

Рассказ Зины о голоде, который она пережила подростком в своем маленьком городе Соколе под Вологдой, убедил Саню и Фирочку в правдивости слов девушки. И в первые месяцы жизни в их доме Зина никак не могла наесться досыта. Через короткое время после обеда, она снова накрывала на стол, ела сама и кормила свою маленькую воспитанницу. Никакой особенной еды в семье не было. Еда была сама простая. После супов и вторых блюд, Зина с Наташей с удовольствием поедали хлеб с луком или натирали черную хлебную корочку чесноком и запивали ее чаем.

С военных страшных лет сохранила Зина привычку делиться последним куском хлеба, и они постоянно предлагали друг дружке, словно играя, откусить от своего куска. Илюша был уже большой – он уже учился в школе и не соглашался играть в «дурацкие» игры с хлебом. А Наташа с удовольствием присоединялась к игре, хотя и не была голодна, но она была общительна, и каждая игра привлекала ее. Понятно, что Наташа родилась без «исторической памяти», и даже не догадывалась о страданиях, которые перенесли ее родные во время блокады. А что она знала о голоде? Поэтому только радовалась и смеялась, когда Зина предлагала ей откусить от своего куска. И так она могла съесть много. В результате этого, вероятно, и стала толстушкой. Стремление накормить ребенка было присуще и Фирочке. Она всегда боялась, что ее дети голодают. Она так обычно и говорила: «Надо что-нибудь положить в маленький ротик».

Зина не знала сказок, а потому совершенно не подходила на роль Арины Родионовны. Она с трудом закончила шесть классов, и по некоторым ее намекам Наташа поняла, что училась она из рук вон плохо и в каждом классе сидела по два года. Как узнала впоследствии уже взрослая Наташа, все старшие братья и сестры Зины были отличниками и стали учеными, а один брат даже стал мэром города. Поэтому с точки зрения просвещения Наташи, Зина была никудышной воспитательницей.

Была она бесполезна и в домашних делах из-за медлительности и неумелости. Поэтому львиную долю домашних дел Фирочка брала на себя. Она вставала чуть свет, бежала на Дерябкин рынок, покупала продукты, готовила обед и убегала на кафедру. Она не сердилась на Зину и прощала ей все. Да и как можно было относиться к ней иначе? Ведь Зина жила в их семье не из страха, а из самой чистой любви. И при этом она получала крошечную зарплату. Неведомым путем эта простая душа искренне полюбила свою маленькую воспитанницу и ее маму.

Но если не для воспитания Наташи и не для домашней работы, то для чего жила Зина в семье Сани и Фирочки? Поскольку солнечные лучи не проникали в их темную комнату, то от Зины просили только одного: «Гулять с девочкой и проветривать ее легкие» – так формулировала Фирочка. Прогулки с Наташей и были основной обязанностью Зины. Поэтому все светлые часы дня они проводили на улице, и так каждый божий день, в любое время года Наташа с Зиной гуляли на свежем воздухе.

* * *

Вот Наташа, девочка уже трех или четырех лет, вместе со своей воспитательницей Зиной прогуливается по Большому проспекту Петроградской стороны. Какой же он огромный! От своей Гатчинской улицы они доходят до Тучкова моста. Здесь, по рассказам мамы и тети Катюши, во время блокады они набирали воду в ведерко, ставили ведро на саночки и везли его вдоль Большого проспекта обратно домой. Мост высокий, и Наташе трудно представить, как мама и тетя Катюша спускались зимой по льду к полынье и поднимались наверх.

Около моста Наташа с Зиной поворачивают назад и шествуют до площади Льва Толстого. Недалеко отсюда живут друзья родителей, семья Дойч. У них есть дочка Люда, она старше Наташи на год, и если Наташе посчастливится, то они встречаются во время прогулки с тетей Розой Дойч и ее Людочкой. Взрослые болтают о чем-то скучном, а девочки тем временем играют. Но такие встречи происходили редко, из-за отсутствия в квартирах телефонов нельзя было заранее созвониться и сообщить друг другу: «Мы идем гулять, выходите к нам навстречу». Если же они не встречались со своими друзьями, то Зина с Наташей – делать нечего! возвращались домой на свою Гатчинскую улицу. Такое длинное для маленькой Наташи путешествие продолжалось от трех до четырех часов.

Если погода была неподходящей для прогулок, то Зина выносила из дома стул, ставила его на улице перед окнами, садилась на него сама, а Наташу сажала к себе на колени. Так они сидели под зонтиком часами, до самой темноты. Иногда даже в темноте. Было ужасно скучно. Зина молчала и думала о чем-то своем, непонятном, а Наташа пыталась развлекаться самостоятельно: читала наизусть стихи, или представляла себе, что она худенькая и красивая, как соседская Танечка, или просто таранилась вокруг с нескрываемым интересом.

Когда погода улучшалась, они снова выходили на Большой проспект. Во время прогулок Зина любила заглядывать в окна первых этажей и подолгу смотреть туда с провинциальным простодушием. Торопиться им было некуда, поэтому они стояли, разинув рот, и смотрели на происходящее: на похороны, на свадьбы, на дорожные аварии. Само собой разумеется, что хоронили тогда не так, как принято в России сейчас. К дому усопшего подъезжал грузовик с большим открытым кузовом. Заднюю часть кузова опускали, выносили гроб с покойником из дома, ставили его на дно кузова и окружали цветами со всех сторон. После этого длинная процессия родственников, соседей и случайных прохожих сопровождала покойного пешком до кладбища. Шли медленно, водитель грузовика старался приспособиться к темпу самых старых провожающих. Все проезжающие по дороге машины, автобусы и троллейбусы пропускали процессию, не споря. Обычно звучала траурная музыка, и все участники события плакали навзрыд. Зина, добрая душа, плакала вместе со всеми. Наташа тоже старалась выдавить слезу, но была плохой плакальщицей, без истинного чувства.

Наташе вообще не нравились похороны, но она очень любила свадьбы. Это было для нее настоящим развлечением. Как правило, они с Зиной заставали момент, когда молодая пара уже возвращалась из загса, оба нарядные и праздничные. Невеста была в белом платье с фатой из кружев или марли, а жених – в черном костюме и белой рубашке с галстуком. Гости ждали их около дома, поздравляли их, и чем-то осыпали – то ли зерном, то ли мелкими монетами. Потом все заходили в дом, а мама невесты, согласно обычаю, выносила какое-нибудь простое угощение для случайных прохожих, ожидающих на улице, и каждому давала что-нибудь – кусочек пирога или горсточку орехов. И Наташе с Зиной тоже перепадало что-нибудь вкусное.

Трудно было бы винить Зину за выбор подобных «развлечений». Она была девушка молодая и мало что видела в жизни, кроме своего города Сокола. А что видела Наташа? И откуда было Наташе знать, на что можно, а на что нельзя смотреть? Конечно, родителям девочки было неизвестно, что их дочь «дышит свежим воздухом» на похоронах и угощается на свадьбах. Ни о

чем подобном они не знали, и это несмотря на ежевечерние беседы с папой, после его прихода с работы.

Эти беседы происходили на Илюшином диване, когда они оба усаживались рядом, и он говорил ей: «Ну, давай-ка, мы с тобой потолкуем, что вы с Зиной сегодня делали?» И она начинала ему рассказывать в подробностях обо всех событиях дня, крупных и мелких, где были, в какой очереди стояли, но об «этом» ни гу-гу. Видать, чувствовала всей своей бело-розовой нежной кожицей, что родителю сообщать об этом не следует.

Честно говоря, «грехи» Зины и Наташи перед Саней и Фирочкой были пустяковыми по сравнению с теми, которые совершали другие няни со своими воспитанниками. Если эти только что-то перехватывали на свадьбах по мелочам, то другие попрошайничали под своих воспитанников по-серьезному, переодевали их в одежду нищих и разыгрывали роль бедных одиноких матерей, которым нечем кормить своих сирот-детей. Добросердечная послевоенная публика, которая хорошо помнила блокадный голод, охотно подавала этим няням и едой, и деньгами – кто сколько мог.

Нет, до такого грехопадения Зина с Наташей никогда не доходили. Но впоследствии, по здравом размышлении, Наташа пришла к выводу, что даже если бы Зина и замыслила подобную каверзу, то с такой питомицей, какой была в ту пору она, этот номер никогда бы не прошел. Ее круглые румяные щечки и большие веселые голубые глазки выдали бы ее сразу: уж очень она была не похожа на голодного заморыша. Да и Зина к тому времени раздобрела от простого, но регулярного питания, живот ее втянулся, и она стала выглядеть вполне симпатичной молодой женщиной, и уж никак не бедной нищенкой.

Чаще всего Зина с Наташей заходили в небольшой садик напротив кинотеатра «Молния». Ни того, ни другого сейчас не существует, и неизвестно, как спланируют дальнейшее строительство. В садике Наташа играла в песочнице, делала «куличики» из песка, или чинно сидела рядом с Зиной на скамеечке. Часто они прогуливались дальше по Большому проспекту, подолгу разглядывали витрину комиссионного магазина – старинные вазы из тончайшего фарфора, великолепных немецких кукол в изысканных нарядах фрейлин (военные трофеи). С не меньшим интересом они наблюдали и за огромным аквариумом в витрине рыбного магазина. В этом аквариуме плавали живые рыбы, которых продавец ловил для покупателей большим сачком и взвешивал, еще прыгающих, на весах.

Все привлекало Наташу на Большом проспекте. В сущности, этот проспект представлял собою весь ее мирок. Иногда Зина вдруг прерывала свой непрерывный обзор местности и кричала: «Наташенька, не бегай! Наташенька, не простудись! Наташенька, закрой рот!» (чтобы не попал холодный воздух!) Во всем остальном девочка была предоставлена сама себе и, по примеру своей наставницы, с живым интересом разглядывала происходящее вокруг.

Если сравнить окружение той маленькой Наташи с атомом, то, конечно, саму себя она представляла центром, ядром этого атома. Самым ближним кругом к ней была собственно ее семья: папа, мама, Илюша, тетя Катюша и Зина. Далее шел расширенный семейный круг: дяди, тети, двоюродные и троюродные братья и сестры. В послевоенные годы кровное родство, семейная близость были превыше всего. Семьи, разрушенные войной, от которых остались лишь осколки, стремились объединиться вновь и черпать тепло и силу из союза с теми, кто уцелел. Так же было и в Наташиной семье. Все выжившие сблизались по-особому. А потому и ее, родившуюся после войны, любили по-особому – возможно, если говорить высоким стилем – как новый побег, дающий надежду на будущее.

После войны в живых остались в основном родные мамы, причем почти все они жили в Ленинграде, и с ними можно было встречаться. Старшая мамина сестра, тетя Рита, и трое ее детей, Лиля, Валентин и Наум, дядя Лева, его жена тетя Тамара и их сын Павел, или Павлик, родившийся еще во время войны, в 1944 году – со всеми они виделись часто. Только дядя Соломон, его жена тетя Роза и их дочь Людмила, или Буся, жили на Урале, в городе Суксун,

и редко появлялись в их доме. Выжили в блокаду еще две маминых двоюродных сестры: одинокая Рахиль и вдова Эмма с сыном Леонидом.

Из родных папы остались только две сестры – Лея или Люся, младшая, которой к этому времени было всего 23 года, и старшая Фейгл или Фаня, которой исполнилась 39 лет. Родители Наташи сумели разыскать их только после войны – в маленькой деревне, в республике Мордовия, где они проработали всю войну. В письме сестры с благодарностью вспоминали водителя, который на шестой день войны отвез их насколько мог дальше от занятого фашистами Минска. Они и десятки таких же, как они, женщин набились тогда в кузов его машины и сердились на неудобства. Если бы они знали тогда, что этот «грубый мужлан», который недостаточно вежливо побросал их в кузов, спасал их тогда от неминуемой гибели. Он выгрузил их на дороге и поехал назад, вероятно, надеясь вывезти следующую группу евреев.

А дальше они целый месяц шли пешком, как были, налегке. Летние босоножки быстро изнашивались, и они пошли босиком, на ободранных в кровь ногах. Обе потом всю жизнь жаловались на больные отекавшие ноги. Они остановились в первой деревне, в которой их приняли на работу. Там они и проработали всю войну наравне с колхозницами, приспособились к крестьянскому труду и, подобно Саниной семье, ничего не знали о судьбе родных в Негорелом. Они тоже посылали многочисленные запросы в Негорелое, но ответов оттуда не получали. Лишь после войны они узнали о трагической судьбе семьи, а Фаня узнала еще и об участии своего 15-летнего сына Осика.

Как уже говорилось, в начале лета 1941 года она, как обычно, отправила сына на лето к родителям в Негорелое, а сама продолжала работать вместе с мужем в ожидании совместного отпуска, чтобы в июле встретиться всем вместе в семейном гнезде. Однако когда немцы захватили Негорелое, они услали ее Осика и еще несколько крепких подростков из их городка в Германию на каторжные работы. Очевидно, он там погиб, но она продолжала бесплодные поиски сына по всей Европе до последнего дня своей жизни.

Саня вызвал сестер в Ленинград, так как своего жилья у них теперь не было нигде. Но сначала приехала одна только Люся, и поселилась в семье брата все в той же узкой и тесной комнате на Гатчинской улице. В это время Саня жил там один: сама Фирочка лежала в больнице на сохранении беременности. Катюша увезла Илюшу в загородный лагерь, чтобы не пострадал его летний отдых во время отсутствия матери. Так что брату и сестре было о чем поговорить, после разлуки длиною в целую войну. Годы спустя, мама рассказывала Наташе, что когда они с папой вернулись из родильного дома, ее поразила внешность папиной младшей сестры: ей навстречу вышла молодая красавица с вьющимися светлыми локонами и прекрасными голубыми глазами. Тетя Люся первой взяла новорожденную Наташу на руки, приоткрыла одеяльце и, смеясь, сказала: «Ой, какой мопсик!» С тех пор они считали ее «крестной матерью» Наташи.

А две недели спустя именно она участвовала в спасении жизни девочки, которая захлебнулась маминым молоком и уже задыхалась. Тетя Люся мчалась по улице к телефонной будке, чтобы вызвать скорую помощь, упала, разодрала ногу до крови, но врача вызвала. А папа тем временем взял младенца в свои уверенные руки и сделал дочке искусственное дыхание. Когда пришла врач, девочка спокойно спала, врач посмотрела на нее, сказала, что с младенцами все бывает, бывает, что и умирают, и ушла.

А потом с тетей Люсей, как раз в их доме, произошел счастливый эпизод, перевернувший всю ее дальнейшую жизнь. В гости к Сане с Фирочкой пришел Сеня Гласс, их старинный друг из довоенной компании. Он недавно вернулся с фронта, узнал, что у них гостит Люся, и пришел специально для нее, чтобы сообщить ей радостную весть. Выяснилось, что он служил на фронте вместе с Гришей из соседнего с Негорелым городка, Кайданова. Люся с Гришей встречались до войны, но им пришлось расстаться настолько внезапно, что они потеряли всякую связь друг с другом.

Гриша разыскивал Люсю всю войну, но не получал от нее писем. Сразу после войны он поехал в Негорелое, но там ему сообщили, что вся семья расстреляна. Сейчас, рассказывал Сеня, Гриша живет в Москве, и работает. Сеня может дать его адрес. Никто и не заметил, как Люся, в течение почти пяти лет считавшая, что Гриша убит, упала в обморок. Пришлось Сане приводить в чувство и ее. Потом были слезы, смех, счастье, поездка в Москву, встреча с любимым Гришенькой и – замужество.

В результате всех этих счастливых изменений, Фаня тоже решила поехать в Москву. Ведь сестры так сроднились за время долгих военных лет работы в мордовской деревне, что уже не представляли себе жизни друг без друга. Так и сложилось, что в Москве после войны поселились две Санины родные сестры – «наши москвичи», так стали их с любовью называть.

Еще одна Санина сестра – двоюродная, дочь его расстрелянной тети Мэри, тоже по имени Лия, оказалась женщиной героической. До войны она успела окончить медицинский институт, и по счастью, была сразу призвана на фронт, поэтому не успела приехать к родителям в Негорелое, как планировала. Иначе ее судьба сложилась бы совсем иначе. Всю войну она работала военным врачом на передовой, получила ранение в голову, но справилась с травмой и вернулась в строй. Войну она закончила в звании майора. Перед самым окончанием войны она вышла замуж, а после демобилизации, уехала в Ригу по месту жительства мужа. Так образовался еще один клан Саниных близких родственников – «наши рижане».

Из эвакуации в Свердловске вернулась и Роза, жена младшего Саниного брата Рувима – Ромика, вместе с дочерью Региной. Перед уходом на фронт Ромик поехал навестить жену и маленькую дочь, которые уехали из Ленинграда в эвакуацию в самом начале войны, но по дороге в Свердловск поезд был обстрелян, и Ромик пропал без вести. Не сохранилось ни свидетелей, ни документов, ни вещей – ничего. Долгие десятилетия тетя Роза искала мужа и не верила в его гибель.

Наташа помнила, как приходили к ним в гости тетя Роза и Регина. Тетя Роза была полная, ласковая, она называла ее «ласточка моя» и всегда дарила ей что-нибудь небольшое, но очень приятное. А однажды она подарила ей маленьких глиняных зверюшек, с которыми Наташа полюбила играть перед сном. Регина была худенькая, стройная девочка, ровесница Илюши. Она была очень красивой – у нее были большие карие глаза с длинными прямыми ресницами и косички, которые казались кудрявыми, потому что ее кудри пробивались сквозь эти косички, хотя это и трудно представить.

Так же она помнила, как приходила тетя Рита – одна, или со своими детьми. Это не были официальные визиты с длительными подготовками. Можно было просто так заскочить на часок-другой, посидеть рядом, попить чайку и побеседовать. На стол подавали то, что было в доме, а было не так уж много: сахар, баранки, да и то не всегда. Это сейчас принято подавать самые лучшие и дорогие продукты, долго сидеть за переполненным столом. Но тогда, после войны, когда совсем недавно отменили продуктовые карточки, и все жили скромно, внутрисемейные связи были чистыми и не столь материальными. Не угощение, а человеческие близость и тепло были важнее всего.

Но, конечно, и тогда происходили большие семейные сборы, когда собирались все семейные ветви, и Фирочке с Зиной приходилось заранее думать о том, что подать к столу. Из тех далеких дней, когда Наташино детство еще было счастливым, ярче всего она помнит большие семейные приемы гостей. Наташа с нетерпением ждала этих событий. Она обожала праздничную атмосферу, которую приносили с собой гости: их шутки, смех, подарки. Эта атмосфера разбивала сонную рутину ее повседневной жизни. Гости редко собирались в их тесной комнате, но Наташа четко запомнила праздничные сцены.

Они с Зиной активно участвовали в покупках: стояли в длинных очередях за мукой, сахаром, яйцами. И не всегда было легко купить все необходимое, потому что в магазинах постоянно чего-нибудь не хватало, и даже наличие продуктовых карточек ничего не гарантивало.

Если какого-нибудь важного, с точки зрения Фирочки, продукта не оказывалось в их микро-районе, то Зина с Наташей отправлялись «дышать свежим воздухом» в соседний район. Там они отстаивали очередь, например, за апельсинами и гордые и румяные возвращались домой.

Однако сама по себе подготовка к празднику начиналась только вечером накануне, перед самым приходом гостей, когда все уже было куплено заранее. Тогда мама начинала разводить тесто, Зина долго месила его и непрерывно ворчала при этом. Готовили фаршированную рыбу, обычно щуку, ее подавали на стол на длинном блюде, на котором были вытеснены черные кленовые листья. Каким-то чудом до сих пор уцелели два удлинённых блюда из «кузнецовского» сервиза, который был подарен на свадьбу Фирочке и Сане. Оба сейчас находятся в семье Илюши.

Всегда готовили студень. Фирочка и Саня готовили его вместе. Можно сказать, что они священнодействовали: клали небольшие кусочки мяса в красивые глубокие тарелки, сверху покрывали мясо колечками нарезанных яиц, посыпали мелко нарезанным чесноком и заливали горячим бульоном, который немедленно застывал. Вечером, когда готовили уже непосредственно к праздничному столу, дети шли спать, окутанные соблазнительными запахами. Все хранилось на подоконниках или в тазах с холодной водой. В самый же день приема Фирочка готовила салаты и другие скоропортящиеся блюда, ведь холодильников тогда не было.

На следующий день приходили гости. Первой обычно появлялась тетя Рита, старшая мамина сестра. Невысокая, намного меньше мамы, кругленькая, очень женственная. Она уже приближалась к 50 годам, но сохранилась хорошо. Ее темные волнистые волосы были красиво завернуты в большой пучок. Она начала сесть последней из сестер, хотя и была старшей. У тети Риты были тонкие и деликатные черты лица, карие «фамильные» глаза, излучающие доброту.

В будние дни Рита приходила навестить семью Фирочки поздно вечером, «на последней сеанс», как она сама говорила в шутку. Она входила, вешала пальто на вешалку, подсаживалась к круглому столу, брала с этажерки первую, попавшуюся в руки книгу, надевала большие очки, говорила: «Фирочка, не беспокойся, не обращай на меня внимания, продолжай заниматься своими делами» и принималась читать. Наташа всегда передразнивала ее с огромным удовольствием – нацепляла на нос огромные очки, хватала книгу и шевелила губами, изображая чтение. Она не помнит, чтобы ее когда-нибудь наказывали за это, только смеялись вместе с ней. По сути дела, в этом и состоял визит тети Риты в будний день – мама с тетей Ритой почти не разговаривали, только перекидывались несколькими словечками, сидели рядышком, смотрели друг на дружку, пили чай и расходились. Они были настоящими сестрами – хорошо чувствовали друг друга и не нуждались в словах.

Но в праздничные дни тетя Рита приходила первая. Выглядела она усталой, как всегда. Все же она была вдовой и матерью троих детей. Дети были уже взрослые, но никто из них, даже старшая Лиля, не торопились выпорхнуть из семейного гнезда, зато все трое требовали забот. Тетя Рита сразу укладывалась на Илюшин диван, укрывалась его «зайчиковым» одеялом (тонкое шерстяное одеяло с вытканными на нем зайчиками) и немедленно засыпала. Наташа садилась около нее, чтобы охранять ее сон. Она любила тетю Риту и хотела погладить ее, но стеснялась. По плечу? Но там недалеко находится грудь, и она может обидеться. К тому же однажды на даче тетя Рита стоя мылась в большом тазу в Наташином присутствии, и Наташа видела гигантские размеры ее груди – нет, это не годится! По талии? Но там недалеко находятся «другие места». Таким глупым детенышем была тогда Наташа, что так и не решалась погладить тетю Риту.

Ее сомнения прерывает приход других гостей. Почти всегда это была семья старшего маминого брата Наташи – дяди Левы или, как его с любовью называли, Левушки, его жены тети Тамары и их сына Павлика. Дядя Лева невысокий, но статный, красивого и крепкого телосложения, потому что он, как и папа Илюши и Наташи, был отличным спортсменом в молодости.

Дядя Лева красивый, кудрявый, его волосы уже начинают седеть, но он подвижный, веселый, у него открытое, умное лицо. Он входит в комнату с шутками, анекдотами, остроумный и веселый, как всегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.